

**ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ**

*Восемь трупов
под килем*

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
ТУРЕЦКОГО**

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Восемь трупов под килем

«Автор»

2009

Незнанский Ф. Е.

Восемь трупов под килем / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
2009 — (Возвращение Турецкого)

Турецкий просыпается в незнакомом помещении в состоянии жуткого похмелья. Он в крохотной каюте, в иллюминатор видно море. С трудом придя в себя, наш герой выясняет, что он на яхте бизнесмена Голицына, в кругу нежно «любящих» друг друга родственников богача. Убийства, происходящие одно за другим, вынуждают детектива даже на отдыхе заняться привычным делом.

Фридрих Евсеевич Незнанский

Восемь трупов под килем

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Состояние было хуже инфарктного. Его трясло, голова разваливалась на куски, болело практически везде. Что-то случилось с вестибулярным аппаратом – все вокруг качалось. Он лежал на узкой скрипящей кровати, из тумана выступала серая стена, такая же слева, над головой потолок – можно дотянуться, но рука не поднималась. А может, не потолок – антресоль или кровать второго яруса. Спальное пространство едва просторнее вагонного купе. Весьма стесненные обстоятельства. В завершении стены – проем, но там не видно ни зги. Дрожащая муть съедала пространство.

Он попробовал пошевелиться, рискнул привстать и рухнул обратно, едва не лишившись чувств от залпа картечи под лобной костью. Несколько минут лежал неподвижно, тщаась связать обрывки воспоминаний. Связной картины не выходило. Что он знает о собственной личности? Некий Турецкий, Александр Борисович, бывший следователь по особо важным делам при Генеральной прокуратуре, ныне вольный частный «стрелок», живущий и работающий в Москве, а сейчас, в середине июля 2009 года...

Чем он занимается в середине июля 2009 года? Где он, черт возьми, занимается? На того ли человека он поставил? А как насчет деталей биографии?

К мерзким ощущениям прибавился страх. Только амнезии не хватало для полного благополучия. Нет, не нужно спешить – можно насмешить кого-нибудь. Раз уж приключилась неприятность, нужно поменьше паниковать, сохранять достоинство. Память и хорошее самочувствие – дело наживное, а вот все прочее...

Он лежал, преодолевая боль, дышал размеренно, прислушивался. Еще одна причина пасть духом – вместе со зрением, похоже, садился и слух. Такое впечатление, что он лежал в глухом склепе, надежно защищенном от внешнего мира. Вдобавок склеп качался...

Но раз он что-то видел, значит, неподалеку располагался источник света. Этот источник не был электрическим. За проемом находилось окно. С этой мыслью он и распался на невидимые сущности...

Второе пробуждение было не лучше первого. Но мысль о том, что он Турецкий Александр Борисович (и далее по тексту), стала доминировать. И зрение понемногу возвращалось. Стена перед глазами оставалась серой, но на стене уже различались настенный светильник в форме растопырившего лепестки тюльпана, крохотная картинка в непропорционально массивной рамке. Быт, пейзаж, или что-то в этом духе. Справа тумбочка, миниатюрный столик, стилизованный под ломберный, но явно имеющий неисправимый дефект – выдвижной ящик был разломлен пополам. Все просто, никаких высоких технологий. Самое время пробуждаться и начинать что-то делать. Для начала – подумать.

Он сел на кровати, схватился за голову обеими руками, чтобы не кружилась и лучше думала, выждал пару минут. Поднялся, держась за тумбочку. Страдания продолжались – тело бурно протестовало. Он мог бы тронуться в путь, но решил не рисковать (неизвестно, как в этой местности с врачами), сел на койку, стал ощупывать себя. Никаких гематом, ссадин, переломов. Значит, его не били, он не ранен, не убит. Напился, как сапожник, и не помнит ни черта. Но вроде не похоже, состояние, конечно, ассоциировалось с похмельем, но остатки разума под-

сказывали, что тема неправильная. Алкоголь, возможно, присутствовал, но в несоразмерных с состоянием количествах. Судя по всему, он крепко отравился. Съел несвежий морепродукт?

Засевшие в бункере фрагменты памяти потихоньку выходили с поднятыми руками. Еще вчера он наслаждался отпуском в городе Сочи...

Поздравляем, Александр Борисович, вас щедро накормили клофелином. Откуда в вас его столько? Доктор прописал? Еще немного, и вы бы, наконец, узнали, есть ли жизнь после смерти...

Головная боль становилась тупой и стабильной. А как насчет собственного экстерьера? Модные брюки со свежими пятнами на коленях – полз куда-то (интересно, куда?), грязные туфли, невесомая курточка – не средство защиты от холода, а прибежище документов, денег и прочих необходимых вещей. Он вывернул карманы. Отыскались паспорт, лицензия на ведение частной детективной деятельности. Он вздохнул с облегчением. Документы на месте, он действительно Турецкий Александр Борисович (кто бы сомневался), прописан в Москве, женат на некой Ирине Генриховне... Мать честная, ведь Ирина вчера вечером была с ним! Где она?

Он выбросил из карманов зажигалку, пачку сигарет. Часы на месте – и показывают десять тридцать утра. Ни денег, ни телефона – дьявол! Он заставил себя успокоиться. Все в порядке, он должен уgomонить все свои семьдесят две тысячи нервов, освежить память. Но информация выдавливалась мизерными порциями, ей что-то мешало, словно камень положили поперек дороги. Его обчистили, бывает. Кто? Бесхитростные ночные воришки, поскольку на документы не покусились. Но как он оказался в этой комнате? Она по-прежнему продолжала качаться...

Он доковылял, держась за стенку, до проема. Муть рассасывалась, он обнаружил, что помещение просторнее, чем он думал, – спальное место в нише отгораживала перегородка. Уже не купе, а два купе, что, в общем-то, тоже не хоромы. Диванчик, шкаф, привинченный почему-то к потолку, настенное зеркало в бронзовой рамке, дверь, окошко – маленькое и круглое...

Он прилип к окошку, оказавшимся (вот же чудо) иллюминатором. Шершавый ком зашевелился в горле. Он находился на судне, судно плыло по открытому морю. Погода не баловала, небо затянули серые облака, море волновалось – впрочем, не штормило: пенились белые барашки, темно-серая масса воды мерно колыхалась – практически рядом, за стальным поручнем и прилепленным к нему спасательным кругом без указания названия судна. Только вода, ничего другого, ни берега, ни других судов – одно лишь бесконечное соленое море...

Вопрос с «качалкой» благополучно разрешился. Но душа не успокаивалась, вопросов меньше не становилось. За облаками проглядывало солнце, отсюда он сделал отнюдь не бесспорный вывод, что судно направляется на запад, то есть отдаляется от Сочи, погружаясь в пучину Черного моря. Он оторвался от иллюминатора, побрел к двери, но обнаружил боковым зрением еще одну дверь – видимо, санузел. Желудок забурлил, рвотная масса устремилась по пищеводу. Он ринулся в галльон, свалился на колени перед маленьким, каким-то детским унитазом, отбросил крышку, исторг из себя содержимое желудка. Но спазмы не унимались, его долго выворачивало, он задыхался, захлебывался. Слабой рукой потянулся к крану. Вода полилась небольшой струйкой, он пил ее – тепловатую, невкусную, явно нефторированную, и все не мог напиться. Ноги подгибались, он выволокся из крохотного галльона, в котором еще умудрилась разместиться душевая кабина, добрался до зеркала. С ужасом разглядывал опухшее безжизненное лицо. Кожа землистая, под глазами черные круги – словно краской нарисовали, зрачков почти не видно. Замечательно, Александр Борисович. Ручная работа, единственный экземпляр, бесценный вы наш. Повезло, вы так долго ждали этого отпуска...

Голова, наконец, заработала. Все, что пряталось под мутной пеленой «забывчивости», полезло, как тесто из кастрюли. Голова от избытка воспоминаний заболела еще сильнее. Сбылась заветная мечта – он выбрался с женой в отпуск. Последняя «командировка» в Дубовск действовала так, что думать не хотелось ни о какой работе. Типичная идиосинкразия – болез-

ненная чувствительность. «Отдыхай, Александр Борисович, – обреченно вымолвил Голованов, когда он поставил шефа перед свершившимся фактом. – Я все понимаю. Постараемся проскрипеть тут без тебя две недели». «Три недели! – возмутился Турецкий и сунул под нос Голованову три растопыренных пальца. – И не дай тебе Господь возразить. Уволюсь, клянусь, ты меня знаешь. Пропадете без меня. И постарайтесь три недели не терзать меня телефонными звонками и не атаковать мой электронный ящик. И Меркулову передай. И всем, всем, всем. Я ставлю защиту от нежелательных входящих звонков, а если все же пробьетесь, то добрых слов не ждите. Турецкого нет, он умер, понятно?»

Долго с Ириной не мудрствовали. Хочется нового? И побольше, побольше? Крит, Турция, Канары, Мальдивы, забуриться в Европу по самые Нидерланды... А когда вы в последний раз бывали на Таити?.. Все не то. Немедленно в море, упасть, забыться. Без проволочек, виз, бюрократических и таможенных формальностей. Самолеты в разгар экономического кризиса летают полупустые – так уверяли те, кто летал. Знакомый посоветовал поселиться в пансионате «Чайка» недалеко от Дагомыса. И народа там поменьше и сервис не такой, что сразу хочется уехать на Чукотку. Они отправились вдвоем с Ириной – минимум вещей, максимум денег, без единой тормозящей мысли в голове. Самолет был забит, граждане, утомленные серостью будней, рвались в южные широты. В Сочи было не протолкнуться – видимо, информация о тотальном кризисе оказалась фальшивкой. В пансионате «Чайка» отдыхающие не жили только на крыше. Походив по городу, они обнаружили в старых кварталах, прилепившихся к горам, небольшую частную гостиницу, сняли номерок на втором этаже – подальше от суеты и городских прелестей. Ирина цвела и лучилась от восторга. Курортная жизнь захватила и закружила. Тупое пляжное существование надоело на второй день. Они шатались по городу, неожиданно-негаданно угодили на кинофестиваль, откуда Турецкий с трудом вытащил Ирину, отыскавшую каких-то старых подружек и быстро забывшую, что она на курорте. Уж лучше тупо жариться на солнце...

Четыре дня пролетели пулей. Он точно помнил, что вчера была пятница, 17 июля. Обычный день в обычной курортной местности. Встали поздно, пока Ирина чистила перышки, навела красоту (которую очень быстро смыла в море), пора уже было обедать. Так и поступили – перекусили в скромном заведении в чашобе старого города, стали неторопливо выдвигаться к морю. Попутно Ирина обежала десяток магазинов, чтобы купить устраивающий ее по каким-то немислимым характеристикам солнцезащитный крем (свой она забыла в гостинице). «Какая разница? – недоумевал Турецкий. – Бери любой. Ведь твой крем – это, в сущности, антипригарное покрытие». «Уж лучше молчи, – возмущалась Ирина. – Не понимаю, как можно быть таким невежественным. Вот скажи, Шурик, ты обращаешь внимание на октановое число, покупая бензин? Или любое сойдет? Вот и здесь так же. Намажешься кремом со степенью защиты «пять» – превратишься в шашлык. купишь «двадцать пять» – будешь блее, чем был. Завяряю тебя со всей ответственностью – приобретение антипригар... тьфу, средства от солнечных ожогов – дело крайне важное и обстоятельное. Ты же не хочешь, чтобы с меня кожа слезла? И бледной меня не хочешь на курорте видеть, верно?»

Честно говоря, родная жена устроила бы его в любом виде – и бледная, как моль, и с отвалившейся кожей. Пока добрались до пляжа, пока нашли свободный от голых тел квадратный метр пространства, солнце миновало стадию активного, потеряло яркость, стало готовиться к вечеру. И все равно это был хороший день (а уж в сравнении с сегодняшним утром – наверняка). Он плавал за буйки, Ирина кричала, что лучше этого не делать, и, видимо, правильно, – когда он выбрался из аквамариновой волны, вытрясая воду из ушей, она любезничала с подтянутым представителем носатой кавказской народности. Дуэль не состоялась (или перенесена), с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, Ирина объяснила претенденту, что возникший из моря Ихтиандр – ее законный муж, он работает в правоохранительных органах, так что ей очень жаль и бросить весь мир к ее ногам Эдику придется в другой раз. Но все равно было

очень приятно пообщаться. Носатый представитель безропотно удалился и вскоре был замечен флиртующим с полноватой блондинкой в телесного цвета купальнике. «Сам виноват, – кокетливо улыбалась Ирина. – Кого предупреждают: не заплывайте за буйки?» Он пообещал, что никогда больше не оставит ее одну, и несколько часов это обещание удавалось выполнять. После пляжа они бродили по окрестностям, нагуливая аппетит, вернулись к морю, где после заката выступала поп-группа с богатым репертуаром (три аккорда и пятнадцать слов), а после концерта стартовала дискотека. Какие-то личности в бейсболках и «запорожских» шароварах исполняли нижний брейк – им явно в штаны напихали муравьев. Публика бесилась. Турецкий застолбил столик на террасе, откуда открывался вид на вечернее море и расцветенную огнями танцплощадку. Народ плясал и веселился – молодой, старый, очень молодой, очень старый... Он так старательно изучал предложенное меню, что у официанта, висящего над душой, чуть не образовался тромб конечностей. «Ты невозможный зануда, Турецкий», – укоряла Ирина. «Я не зануда, – возражал он. – Я серьезно и обстоятельно подхожу к решению любого вопроса». «А это не одно и то же? – смеялась Ирина. – Заказывай самое дорогое и вкусное. Возможно, этим ты немного увеличишь эксплуатационные расходы на жену, но в итоге все проявленное тобой добро к тебе и вернется».

Это был прекрасный вечер. Глаза Ирины загадочно блестели в полумраке, играли пузырьки в бокале с шампанским, остро и аппетитно пахли морепродукты, приготовленные по самому сложному рецепту. Ирина щебетала о том, что ей необходимо завтра же пройти SPA-процедуру. Доколе терпеть? То, что предлагается в Москве, – полный отстой. Нужно что-то необычное и волнующее. Неужели в Сочи такого нет? В Японии, например, накладывают маски для лица и тела из настоящего золота – прекрасного омолаживающего средства. Неужели он не хочет, чтобы у его жены была нежная и шелковистая кожа с фарфоровым оттенком, а сама она стала золотой статуей фараона? Гейши, между прочим, сохраняют вечную молодость при помощи «гуано». Ну, это птичий помет... Но маску готовят так, что нет никакого запаха, а потрясающий эффект замечен после первой же процедуры. А в Акапулько предлагают массаж по древнему рецепту ацтеков – в тебя втыкают кусочки кактуса с иглами. Причем втыкают по всему телу. Мгновенно повышаются приток крови и обмен веществ в подкожной зоне. А сверху льется сок агавы, так что кожа регенерирует прямо на глазах. А в Индии всего за 70 долларов тебе на спину положат клубок змей, которые будут делать расслабляющий приятный массаж. А в Египте тебя обложат драгоценными камнями и минералами, вылечат целлюлит. А на Мальдивах SPA-центр вообще прозрачный и находится под водой. Ты наслаждаешься массажем из травяного масла и горячего песка и попутно любишь на голодных акул, которые шныряют мимо. А в Лондоне тебя окунут в маску-желе из свежей черной икры, и только Богу известно, сколько такая процедура может стоить...

Они смеялись, он любил жену глазами, ей это очень нравилось. Остаток вечера в гостинице обещал быть томным и уютным. Почему они сразу не ушли?

Воспоминания выдавались порциями – для удобства переваривания. Терраса над морем вмещала полтора десятка столиков с посетителями, в глубине террасы, недалеко от лестницы, обосновалась барная стойка. В какой-то миг он почувствовал, что на него пристально и неприятно смотрят. Обернулся – за соседними столиками сидели люди, поглощали еду, пили алкоголь, смеялись. На Турецкого никто не смотрел. Поклонником теории заговора он, в принципе, не был, отнес событие к малозначительным и быстро про него забыл. В тот момент и следовало уходить. Но Ирина заявила, что процесс похудения придется, по всей видимости, заморозить – иными словами, она съела бы еще что-нибудь. Турецкий подозвал официанта и принялся разбираться, какую еще нечисть может предложить голодной женщине заведение. Выбор блюд производил впечатление. Он заказал рапанов, жареную в кляре барабульку и, в качестве эксперимента, лягушачьи лапки (не поесть, так хоть понюхать и посоветовать на тяжелую лягушачью жизнь). Когда принесли заказ, он вновь почувствовал неладное. Обернулся –

ага! Человек отвел глаза, начал что-то говорить сидящей напротив него женщине. Мужчине было основательно за сорок, скуластое лицо, словно вытесанное из камня, маленькие глазки, глубоко упрятанные в глазные впадины. Лицо из разряда запоминающихся. Ирина отвлекла его внимание, что-то сказала, он рассеянно отозвался, она спросила, все ли в порядке? О, безусловно, – отозвался он. Разве в этот вечер может быть что-то не в порядке? Человек из прошлой жизни, он знал его. Память, не отягощенная токсинами, работала нормально. Много лет назад, в бытность следователем Генеральной прокуратуры... Он вел дело об убийстве женщины, которую, собственно, и прикончил этот тип с неприятными глазами. То ли жена, то ли любовница – она работала заместителем редактора на одном из телеканалов. Как же его фамилия? Вопрос интересный. Как у Чехова – лошадиная фамилия. Но не Овсов. Помнится, у душегуба был шустрый адвокат, развел кипучую деятельность и едва не добился освобождения задержанного из-под стражи. Основные улики, дескать, имели сомнительное свойство, добыли их с нарушением процессуальных норм. Полный бред, но судья встал на сторону защиты. Еще бы не встал. У него на груди только таблички не хватало – «Продано». Турецкий тоже развил кипучую деятельность, добыл железные доказательства – такие убедительные, что даже у продажного судьи не хватило духу подписать освобождение под залог. Турецкий присутствовал на заседании – вел процесс другой судья, не сказать, что кристально честный, обыкновенный судья, помнил, как смотрел на него осужденный. Сколько же ему дали? Тринадцать, пятнадцать? Освободился раньше срока за примерное поведение – и сразу в Сочи? А куда еще? Заветная мечта любого зэка – оттянуться в Сочи. Сколько песен и сказаний об этом сложено...

Ну, встретились – и ради бога. Когда он снова обернулся, столик, за которым сидел господин со справкой, был пуст. Как корова языком слизала – и господина, и спутницу. К свободному столику уже неслась молодая парочка. Он повертел головой – ну, и ладно. «Ты уверен, что все в порядке?» – забеспокоилась Ирина. «А то, – усмехнулся Турецкий. – Можешь не сомневаться. Если что-то будет не в порядке, ты узнаешь об этом первой».

Он практически забыл об инциденте. Ирина что-то щебетала, отправляя в рот кусочки деликатесов, он понервничал и успокоился. Не верил он в заговор и месть. Как правило, эта публика дорожит свободой, проведя томительные годы за решеткой. Не будет у них другой жизни. Просто узрел человека, упекшего его в кутузку, – добрые чувства, понятно, грудь не всколыхнули, плюнул, ушел. «Хорошо, я буду осторожен, – уговаривал себя Турецкий. – Пешком в гостиницу не пойдем, поймаем такси, проследим, чтобы никто не увязался».

Потом Ирине приспичило «припудрить носик» – благо заведение с буквой «Ж» (да, собственно, и «М») располагалось в коридоре рядом с баром. «Не ешь моих каракатиц, я их пересчитала», – сказала Ирина и грациозно удалилась, помахивая сумочкой. Он проводил ее глазами, осмотрелся для порядка. Все спокойно. За соседним столиком вкрадчиво ворковали двое субъектов условно мужского пола – эти видели только себя, окружающих для них не существовало. Он встал из-за стола, напевая под нос «Красный, желтый, голубой, выбирай себе любой», подошел к бару, чтобы не выпустить Ирину из поля зрения, когда она покинет комнату, где женщины пудрят носы. У входа в мужской туалет любитель пива танцевал лезгинку. Возле бара клубились несколько особей мужского пола. Бармен беседовал с мужчиной. Последний удалился, бармен повернул голову, приветливо улыбнулся: «Вам что-нибудь налить?»

Вот с этого момента и стартовали неприятности. Почему бы не выпить маленькую? – подумал Турецкий. От шампанского, которое трудно назвать мужским напитком, уже тошнило. «А давай, дружище, – согласился он. – Маленькую, да удаленькую. Ведь хорошего настроения много не бывает, верно?» Бармен подбострастно хихикнул, и к Турецкому подъехала маленькая стопка с желтоватым содержимым. Он даже не видел, как бармен ее наливал. Просто стопка откуда-то взялась и подъехала. Он опрокинул ее в себя.

А дальше все и началось. Цельной картины не было, какие-то клочки. На краткий миг стало легко и непринужденно. Напиток не был, конечно, коньяком двадцатилетней выдержки

из подвала президента Франции, но пился сносно. Мягко улегся на ранее употребленное шампанское. Голова еще не закружилась. «Повторить?» – учтиво осведомился бармен. «А давай», – кивнул Турецкий. Бармен украдкой покосился по сторонам. Вновь из ниоткуда возникла стопка. Турецкий махнул и ее. «Замечательно, приятель». Это были его последние слова в своем уме. Пол внезапно поплыл, он схватился за воздух, налетел на стойку. «Э-э, приятель, да тебе уже хватит, – заметил кто-то из мужчин, стоящих рядом. – Шел бы ты баиньки». Он хотел возмутиться, мол, не дорос он еще до того возраста, когда раскисают от двух стопок, но завертелась пестрая карусель, сознание в ужасе заметалось. Нашлись страдательные люди – лучик света проник сквозь толщу мрака, когда его спускали по скрипучей лестнице. Его держали за локоть, хихикала женщина. Он пытался вырваться, но «успокоительное» работало – он вновь тонул в трясине. Хлопали дверцы машины. А дальше был форменный ужас. Его облизывала ведьма, ворковала на ухо эротические гнусности. Дело происходило на заднем сиденье машины. Он боялся открыть глаза – чтобы не обнаружить рядом с собой чудовище. Разум перестал долбиться в черепную коробку. Он отмечал происходящее, но давать ему оценку было нечем. И все же он открыл глаза – когда проезжали под фонарем. Черт оказался не таким уж страшным. Даме было меньше сорока, у нее была физиономия вышедшей в тираж топ-модели и очень худое тело, которое обвилось вокруг него, как лиана вокруг дуба. Возможно, на ней и было какое-то платье, но он не заметил. Его подставляли, это ясно, но в ту минуту понимание не вызывало душевных терзаний. Снова был провал, очнулся он в кровати в скудно мебелированной комнате, практически не мог шевелиться, с трудом ворочал языком. Подошла женщина – та самая. Одежды на ней было меньше, чем на голой. Она стояла над ним, призывно извиваясь, смеялась, глаза издевательски блестели, и мысль еще пришла, что все модели одинаковы, если смотреть на них снизу вверх. Когда он выбрался из очередного провала, обнаженная женщина сидела на нем верхом, поглаживая пальцами ног лодыжки, растягивала его рубашку. «Ты кто? – выдавил он из последних сил. – Имя, род занятий...» Она засмеялась, укусила его за подбородок. «Анжела я, – прощелбетала. – Сексуальная рабыня», – и чтобы он не отнесся к ее словам серьезно, залилась тоненьким смехом, вцепилась в него цепкими пальчиками. «Отличное занятие, – пробормотал он, – видимо, нервное, беспокойное, чреватое ранней смертностью...» У потаскушки был обширный опыт соблазнения. И самое гадкое, за что он не мог себя простить, – он не вытерпел, не мог лежать спокойно, поднял руки, положил их на потную женскую талию...

В таком положении их и застала Ирина, ворвавшаяся в комнату. Это не было досадной случайностью, все просчитали. Преступления фактически не было, просто жизнь Турецкому пустили под откос. Видно, понял злодей, что сидящая в кафе напротив детектива женщина – не кто-нибудь, а жена. Он помнил звуки борьбы, видел, как рассвирепевшая Ирина была сумочкой обнаженную «модель», причем превосходила ее по всем «боевым» показателям. Та металась по комнате, получая заслуженные оплеухи, что-то пищала, но особенной досады или пристыженности в ее писке не замечалось. Избиение прекратилось – Ирина дала проститутке время убраться. Та схватила свою одежду, шмыгнула из комнаты, справившись на ура с поставленной задачей. И над душой воцарилось гневное лицо супруги. Она была растрепана, красна, словно загорала неделю без своего любимого крема. Он помнил, какой красивой показалась она ему в ту минуту. Странно, но некоторых женщин гнев красит. Впрочем, Ирина не орала. Когда она заговорила, голос был спокоен, напоен язвительностью. «Не моргай, Турецкий, да, это я, твоя женщина с некрасивым лицом. Ты разочарован, понимаю. Хотел и рыбку съесть... и другое. Ну что ж, обычное дело, любой на твоём месте поступил бы так же. Подожди, не вставай. Хочешь что-то сказать?»

Язык не слушался, он постоянно куда-то западал. Он пытался ей что-то объяснить, но плохо преуспел, терял слова, путался в показаниях. Вспоминал теорию заговора. Жаловался на то, что кружится голова. «Вижу, что у тебя кружится голова, – сухо отвечала Ирина. – Очень

жаль, Турецкий, но то, что случилось, было исторической неизбежностью. Не знаю, что она раскрывает – твою подсознательную сексуальную неудовлетворенность? Прости, я в этом не виновата. Или ты считаешь, что только так можно гарантировать гармонию в семье?»

Он попытался взяться за нее. Ирина в ужасе отшатнулась. «Нет, я так больше не могу, Турецкий. Я должна тебя убить». Она рассказала, как вышла из туалета, где пудрила носик – да, возможно, она немного задержалась, но на то были объективные физиологические причины, о которых она сейчас не хочет говорить. Но это не повод в ее отсутствие надраться, как свинья, забыть о жене, снять первую попавшуюся телку и уехать с ней в дешевые «номера». Она видела, как проститутка помогала ему спускаться по лестнице. Внизу их ждала машина, которая немедленно тронулась, едва пассажиры сели. Она перепугалась, вроде не должен ее муж так себя вести. Или то, что она видит, – не совсем то, что она видит? Побежала вниз, схватила первую попавшуюся машину, хорошо заплатила водителю. Выскочила на окраине, металась между домиками вшивого мотеля – в последний момент они с водителем потеряли из вида нужную машину, лишь заметили, что та свернула. Она всерьез была обеспокоена судьбой мужа, дала себе слово, что ни за что не поверит собственным глазам, но когда она ворвалась и увидела такое... В общем, она должна его убить. Но не убьет. Она уйдет. А он останется и пусть делает, что хочет.

«Ириша, это подстава... – бормотал он из последних человеческих сил. – Я похож на идиота, который едва дождался, пока жена уйдет в дамскую комнату, и тут же помчался напииваться, снял и потащил в грязь эту страшную девку?...»

«Нет, Шурик, ты не такой, – грустно ответствовала Ириша. – Но мне было очень неприятно, когда ты лапал ее. Она не страшная – если смотреть на вещи объективно. Ты не думал в тот момент о подставе. Прости, но я действительно ухожу. Проспишься – знаешь, где меня найти. Ума не приложу, как ты будешь объясняться».

Она ведь тоже нехорошо поступила – ушла, оставив человека в ужасном состоянии. Возможно, пройдя часть пути, одумалась, вернулась. Но было уже поздно. Турецкий на месте не сидел. В состоянии, как после литра суррогатного спирта, он выбрался из домика, куда-то поволокся. А вот куда он поволокся и как ему это удалось, история деликатно умалчивает. Дважды были проблески. Ни в одном из них он не встречался с ночными грабителями. Он выбирался на какую-то наклонную улочку, мощеную булыжниками, уткнулся в выставку стирального белья, запутался в ней, бежал от собачьего лая. Еще один проблеск – он поднимается с земли, вылезает на открытое пространство, ветер дует в лицо, он чувствует йодистый запах. Возможно, он выбрался к так называемой марине – месту стоянки морских яхт...

Но как он оказался на судне? Он мог поспорить на все свое движимое и недвижимое имущество, что самостоятельно идея проникнуть на чужое судно прийти ему в голову не могла. Его сюда привели, бросили в пустой каюте. Хорошо, что не на пол. Зачем?

Уныние прогрессировало. Он рассматривал себя в зеркало. Призрак обезьяны с электродом в голове никак не рассасывался. Объяснение должно быть элементарным и даже скучным. Но пока ему было страшно и больно. Если он в плену, то дверь, которая двоится в глазах, должна быть заперта. Если нет, то она откроется, и он получит объяснения. Он облизнул рассохшиеся губы, двинулся к двери, зафиксировал (не сразу) руку на дверной ручке, потянул ее на себя. Дверь открылась.

Качка нарастала. Пришлось упереться в переборку, расставить ноги. Он стоял в конце коридора, устланного ковровой дорожкой со сложным рисунком. Судно явно не было рыболовецким. Стены заделаны в декоративный пластик, в него же утоплены матовые светильники. Коридор разделен на два отсека – наподобие того, как это делают в подводных лодках: узкая переборка, а в ней отверстие для прохода. Салон VIP и «эконом-класс». Он находился в последнем. Данный отсек был короче. Здесь было четыре двери, обстановка не такая сложная,

стены не такие блестящие. В двух шагах просматривалась лестница с окрашенными металлическими перилами – она убегала куда-то вниз, вероятно, в машинное отделение. Он невольно задумался – лестница или трап? Кажется, на судах любая лестница называется трапом? Он высунул нос – здесь же, за затейливо выполненной дверью, совмещающей в себе металлические и деревянно-резные элементы, был выход наружу. Напротив еще один. С небольшим смещением – лестница наверх. Он не решился выходить на улицу, вернулся, сунулся в каюту напротив – дверь открылась. Он замер от неожиданности. Вошел. Не больно-то роскошно – вроде той каморки, куда его бросили. Две койки, навалены какие-то мужские вещи, нераспакованные сумки.

– Кто-нибудь есть? – на всякий случай прохрипел он.

Каюта не отозвалась. Он вышел, подергал соседнюю дверцу. Заперто. Переместился к двери напротив. Дверь послушно открылась, он вошел внутрь. Обозрел крохотное помещение с иллюминатором, внутренности вмонтированной в переборку откидной кровати, круглый столик, на котором стояла недорогая дамская сумочка, небольшой кожаный чемодан под столиком – его, похоже, еще не разбирали. Коричневое платье на плечиках, висящее на приоткрытой дверце шкафчика, небрежно брошенные в угол туфли на шпильках. Иллюминатор показывал то же самое море, поручень, фрагмент фальшборта, спасательный круг. Взгляд невольно затормозился на откидной кровати. Не такая уж безопасная, говорят, штука. Ирина рассказывала страшную историю, приключившуюся с теткой ее подруги. Тетка путешествовала по Бельгии, остановилась, в целях экономии, в дешевой гостинице. Вытащила из шкафа складную кровать, спокойно уснула. Посреди ночи с механизмом что-то приключилось, кровать захлопнулась. Труп обнаружили через день, когда истек срок оплаты за номер, а клиентка куда-то пропала. Бедненькую всю переломало. Даже не поняла, что случилось. Племянница, конечно, этим делом воспользовалась, вытрясла из Бельгии кругленькую сумму, но тетку это слабо утешило.

Он выбрался из каюты, переместился в коридор, который служил продолжением первого. Не меньше десятка дверей – вместительная, однако, посудина. Он переходил от одной двери к другой. Некоторые были заперты, другие послушно открывались, демонстрируя небольшие, но со вкусом декорированные и обставленные помещения. Несколько раз его посещало неприятное чувство, что на судне, кроме него, никого нет. Но быть такого не могло, он гнал свое чувство подальше. Впрочем, без чертовщины здесь, похоже, не обходилось... От всех этих глупых телодвижений вернулись тошнота и головокружение, он прислонился к стене, перевел дыхание. Пора на свежий воздух. Он толкнул последнюю дверь перед выходом на носовую часть судна, она открылась, Турецкий всунул нос в каюту, собрался поинтересоваться, нет ли тут кого-нибудь (ну так, чисто случайно), но решил помолчать. В помещении кто-то был. Под иллюминатором на спине лежал молодой человек в белоснежной, расстегнутой до пупа рубашке от Валентино, и с наивным изумлением смотрел в потолок. Турецкий замешкался – как прикажете толковать? Дабы подчеркнуть таинственность и необычность происходящего? Осторожно вошел, осмотрелся. Уютненько, стены обиты натуральным деревом, каюта обставлена без претензий, но жить можно. На цыпочках, словно боясь разбудить уснувшего в неподобающем месте человека, он подошел к безжизненному телу, пристроился на корточках. Взгляд молодого человека был неподвижен, он разбросал руки, правая нога неловко изогнулась под левой. Он попробовал отыскать пульс – на запястье, под основанием шеи, взгляделся в зрачок. Пустые меры. Молодой человек скончался несколько часов назад, остыл и распространял вокруг себя не очень аппетитный аромат. Ну что ж, еще одна сильная тема...

Он склонился над трупом. Отметил правильные черты лица, юный возраст, в котором как-то неприлично умирать, прозрачно небесные, словно подсвеченные изнутри глаза, от которых сходят с ума неопытные девчонки, небольшую царапину в районе переносицы, припухлость в том же месте. Осторожно приподнял голову, ощупал затылок. Крови не было, черепная

коробка не разбилась, но на затылке прощупывалось крупное уплотнение. Он привстал, осмотрел иллюминатор, особенно стальной обод, снабженный заклепками, зафиксировал несколько прилипших черных волосков.

Поднялся, на цыпочках вышел из каюты. В коридоре было тихо, вернулось ощущение, что на судне их всего лишь двое – бывший следователь по особо важным делам и голубоглазый покойник. До конца коридора оставалось несколько шагов. Картина аналогичная той, что на корме: изгибающаяся лестница, убегающая вниз, выходы наружу – влево, вправо. Он испытывал нерешительность. Никогда не замечал за собой страха перед разомкнутым пространством. Он ловил себя на мысли, что боится выходить – словно за дверью его поджидало что-то страшное, фатальное, неисправимое. Голова заныла. Он побрел обратно в кормовую часть, перебрался через стальную балку между отсеками, помялся у своей каюты. Подавил желание плюнуть на все, вытянуть ноги, погрузиться в сон, и будь что будет. Положи его сейчас спать – он неделю проспит. Протащился мимо каюты, добрел до лестницы в машинное отделение, облокотился на ограждение, чтобы передохнуть... и похолодел.

Из машинного отделения кто-то поднимался. Подрагивали перила, скрипели подошвы, соприкасаясь с рифленным металлом. Он обуздал панику. Ну что ж, во всяком случае, он не последний «выживший» на этом судне. Метнулся было к своей каюте, но передумал – человек уже поднялся. Пара шагов, и... здравствуйте. Абсурдность происходящего просто вопила. Турецкий прижался к запертой двери, стиснул кулак. Появился человек, приземистый, кряжистый, остриженный практически наголо, в грязно-зеленой парусиновой куртке. Выступающую челюсть обрамляла окладистая борода. Он не мог не отметить боковым зрением прижавшееся к стене тело, но почему-то не отметил. Он остановился в шаге от Турецкого. Сыщик приготовился защищаться. Хук справа – и в вечность, сил бы хватило, они всегда появляются, когда возникает суровая в них нужда. Мужик стоял к Турецкому правым боком, глаз неподвижно смотрел перед собой. Он словно задумался. Потом достал из кармана пачку «Дуката», зубами извлек из нее сигарету, щелкнул популярным китайским «федором», глубоко затянулся, закашлялся. Пробурчал что-то матерное, шагнул, взялся за дверную ручку, выполненную в форме рычага и отдаленно напоминающую ручку от древнего холодильника «ЗИЛ», потянул на себя. Дверь красиво отъехала, свежий воздух, шум, запахи ринулись в замкнутое пространство нижней палубы. Мужчина, пригнувшись, выбрался наружу, закрыл за собой дверь.

Оставалось только удивляться, почему его не заметили. Ответ напрашивался сам собой – человек был слеп на правый глаз. Пора заканчивать это непотребство, решил Турецкий, безумие затянулось. Надо выбираться из порочного круга. Он добрался до двери, воспользовался рукояткой именно так, как сделал предшественник, вывалился из духоты интерьера.

Голова закружилась от свежего воздуха, он прислонился к спасательному кругу, рядом с которым в утопленной нише красовался ящик с доходчивой надписью белым по красному – «Средства пожаротушения». Он находился недалеко от кормы, вправо тянулся проход к носовой части, отгороженный фальшбортом и хромированным леером. Он отстал от бородача всего на несколько секунд, но тот уже пропал. Судно продолжало покачиваться. Турецкий схватился за ограждение, вдохнул полной грудью. Яд из организма удалялся неторопливо – состояние с момента пробуждения практически не менялось. Судно следовало левым галсом – ветер дул в левый борт, – разрезая форштевнем взволнованное море. Масса воды простиралась до самого горизонта, клочковатые облака неслись по небу. Облачность не была сплошной, в разрывах проглядывало небо... и вдруг ударило по глазам солнце, заставив зажмуриться. Он почти не ошибся, судно уходило в западном направлении. Он стоял на левом борту. Сомнения растаяли – он находится на борту внушительной частной яхты. Не круизный лайнер, но все же. Он потащился влево, опираясь рукой о гребень фальшборта, изготовленного из благородного дерева, уперся в короткий трап, снисходящий к корме. Глубокими знаниями морской терминологии и

корабельной архитектуры он похвастаться не мог. Ют, полуют... Нет, полуют – это что-то приподнятое над кормой. Декоративная кормовая оконечность (в голове образовалось загадочное слово «акростоль»). Квадратная площадка, на которой стояли несколько шезлонгов – видимо, для желающих отдохнуть в студеную летнюю пору. Странно как-то: в Сочи вчера было тридцать жары, а здесь, в открытом море – глубокая осень...

Он развернулся, побрел к носу – мимо таинственно поблескивающих иллюминаторов, спасательных кругов, привязанных к ограждению. Задрал голову, отметил козырек, нависающий над проходом. До бака не добрался, сил уже не было. Остановился передохнуть. С уважением покосился на стреловидный бушприт, продолжающий линию форштевня. К наклонной мачте крепились свернутые паруса – видимо, еще не настало время их расчехлять. Он находится на борту моторно-парусной яхты – традиционного комфортабельного устройства для перевозки богатых. С приличным, кстати, водоизмещением – не менее, должно быть, полутонна. Крутая лестница с перилами убегала с бака на верхнюю палубу. А еще выше, возможно, находились капитанский мостик, рубка управления. Он насторожился – сквозь порывы ветра донесся женский смех. Мужчина бросил несколько слов, засмеялась целая группа. Чертовщина, судя по всему, благополучно разрешалась. На яхте были люди. Внизу он никого не видел, потому что все собрались наверху. А голоса зазвучали только сейчас, поскольку ветер сменил направление. Замечательно. Нужно идти знакомиться. Не хочется, а что прикажете?

Судно трянуло – словно на ухабе. Приступ тошноты не замедлил пожаловать в гости. Он свесился за борт, хотя и выливать там уже было нечего. Спазмы следовали один за другим, боль давила, в глазах темнело. Двоился замкнутый люк клюза – отверстия для спуска якорной цепи. Перевернутые буквы на борту – бронзой по металлу – название судна. Он вчитывался в надпись, словно недоученный первоклассник, мысленно переворачивая символы. «АН-ТИ-ГО-НА». «Антигона», все понятно. Греческая мифология. Был предатель в Фивах, звали его Полиником. Привел иноземные войска против собственных граждан. Фиванцы разгромили в пух и прах иноземцев, а труп Полиника бросили на радость птицам и собакам под крепостную стену. Царь распорядился: погребению не подлежит. Каждому, кто осмелится предать тело земле, светила страшная смерть – невзирая на попрание всех моральных и санитарных норм. Антигона нарушила запрет, похоронила брата. Царь Фив, понятно, возмутился, приказал откопать обратно тело и провести расследование, кто осмелился на такое «святотатство». Схватили Антигону, закопали живой в гробнице. А Полиника свихнувшийся царь все равно предал земле – поскольку оскорбленные боги начали роптать и готовить царю страшную кару...

Турецкий поднимался по крутой лестнице. Его мучило, ноги не слушались. Шум голосов становился ближе, различались отдельные реплики. Внезапно оборвался ветер – теперь он слышал практически каждое слово.

– Да уж, Игорек, развеселил. Обязательно разовью эту историю в своей новой книге – с твоего, разумеется, согласия. Развели ваших партнеров, как мост над Невой. Что поделывать, афера – это тоже бизнес, а если выражаться точнее, это творческий подход к бизнесу...

– Великая американская мечта, Феликс – заработать побольше денег.

– Спешу заметить, Игорь Максимович, эту великую американскую мечту мечтают практически все народы мира, за исключением, может быть, папуасов и эскимосов, которым и без денег хорошо...

Он брел по верхней палубе – обширной, как Семипалатинский полигон. Из тумана выплывала приземистая стальная мачта. Парус свернут и притянут пеньковыми веревками к поперечной балке рангоута. Сила ветра в переживаемый исторический момент, видимо, не использовалась. Выплывала сверкающая на солнце рубка, капитанский мостик, огражденный литыми перилами, – так называемый квартал-дек, самая высокая горизонтальная плоскость на судне, под ними комфортабельные места для сидения, в которых расположились отдыхающие. Столики с легкими закусками, проволочная ваза с апельсинами и киви. Женщина в без-

размерной соломенной шляпе тянула коктейль из соломенной трубочки. Люди плясали перед глазами, двоились, троились, расползались вширь и вдоль. Обрывки разговора буром вгрызались в мозг.

– Ириша, ты что-то посинела. Холодно, родная? Господа, обещаю, сейчас эти облака разлетятся, как шары на бильярдном столе, и настанет восхитительный день. Будем загорать, ловить русалок на спиннинг Феликса, неумно поглощать прохладительные напитки... Напомни, Робер, как по-французски «прекрасная погода»? А-а, помню – иль фэ трэбо.

– Ожурдюи иль фэ дю ван... – гортанный женский голос, похожий на голос Патриции Каас.

– Прости, дорогая Николь?

– Сегодня ветер, – хохотнул с акцентом мужчина. – Как это у вас говорят... не претворять желаемое за действительное...

– Ольга, ваш сын долго спит, может, послать за ним Герду? Сколько можно, в конце концов? Уже почти одиннадцать, он проспел все на свете.

– Ничего, Ирина, пусть поспит, он так устал на этой неделе...

– Да уж, Ксюша, ваш жених умеет дать храпака. А у меня такое, к сожалению, не получается. Силы уже не те, знаете ли. Сплю от силы шесть часов, встаю – и сразу за компьютер, высасываю идеи из пальца...

– Какой вы работающий у нас, Феликс. А ваш Данила скоро женится? Сколько ему уже – двадцать пять – двадцать шесть?

– Рассмешили, Ольга Андреевна, – басисто хохотал обладатель имени Феликс. – Мой обалдуй – ходячий анекдот: он не такой дурак, чтобы жениться на той дурре, которая согласится выйти за него замуж. Зачем ему эти заморочки? Папа кормит, недостатка в женском внимании не испытывает, приводит их даже в мое присутствие... Признайтесь, Ксения, когда над вами с Николаем совершат безжалостный акт бракосочетания?

– Скоро, Феликс, не волнуйтесь. В середине августа мы уже будем препираться на одном из островов Мальдивского архипелага – если, конечно, не передумаем проводить там свой медовый отпуск...

Турецкий выплыл из тумана – то ли сам перешел палубу, то ли палуба под ним передвинулась. Люди оборвали беседу, изумленно на него уставились...

– Ептыть... – глубокомысленно произнес полный господин, развалившийся в широком шезлонге.

Короткое слово как нельзя лучше характеризовало ситуацию. Турецкий попытался улыбнуться – попытка с треском провалилась.

– Вы, сударь, словно снег, – неуверенно произнес тот же самый господин, – идете и лежите одновременно.

Турецкий ткнулся коленом в свободный шезлонг, опустился на хрустящее полотно. Очень вовремя он присел – еще мгновение, и стал бы медвежьей шкурой посреди палубы, о которую приятно вытирать ноги. Люди выбирались из ступора, переглядывались, недоуменно пожимали плечами. Многие смотрели на господина в цветастой гавайской рубашке – видимо, этот господин распоряжался на яхте количеством (и качеством) гостей.

– Вы кто? – недоуменно пробормотал «цветастый» господин.

Фраза послужила сигналом. Подлетели двое, нависли над душой. Один сравнительно молодой, чернявый, не из русских. Второй постарше, волосы прямые, пострижены «горшком», физиономия неприятная (хотя у некоторых женщин могло бы развиваться и отличное мнение). Оба с решительными намерениями.

– Эй, постойте... – он знал, что свобода личности и права человека в этой стране не то чтобы в моде, но зачем сразу руки ломать? Хрустнули суставы, от резкой боли прояснело в голове.

– Пстой-ка, Салим, отпусти его, – командно выплюнул обладатель цветастой рубахи. Чернявый повиновался, но отступить не пожелал. Обладатель неприятной физиономии продолжал выворачивать правую руку.

– Манцевич, и тебя касается.

Боль отпустила, Турецкий перевел дыхание. За какие, спрашивается, заслуги?

– Вы еще расстреляйте меня, – пробормотал он, разминая онемевшие плечи, – я не киллер, господа, успокойтесь, просто по нелепому стечению обстоятельств судьба занесла меня на ваше великолепное судно...

– Пора к психиатру, – поведал полный господин и почесал ершистый затылок. – Впрочем, что касается завязки сюжета к новому роману... Вполне, мне кажется, приличная завязка, не затоптанная, как считаешь, Игорек?

Господин в гавайской рубахе глухо безмолвствовал. Он был сухощавый, жилистый, взгляд отличался цепкостью. Можно было не сомневаться, что этот тип здесь самый главный. Остальные тоже помалкивали, предоставляя господину право первому выносить оценки. Появилась возможность рассмотреть эту публику. Дама в соломенной шляпке и песочного цвета платьишке с умеренным декольте смотрела на Турецкого большими круглыми глазами. Она сидела рядом с вышеупомянутым господином и, можно было предположить, имела к нему непосредственное супружеское отношение. Мужчина простоватой наружности с изрытым морщинами лицом нервно сглатывал, моргал. Женщина рядом с ним, в огромных черных очках, с бледным неулыбчивым лицом. Обоим было далеко за сорок. Упитанный господин, о котором уже говорилось – белые брюки, клетчатая рубаха, смутно знакомое щекастое лицо, к которому прочно прилипло выражение жизнерадостности. Особняком сидела молодая девушка с ухоженным вытянутым лицом, лукавинкой в глазах, грудью второго размера, упрятанной за сложносочиненной кофтой-курткой-туникой, с точеными ножками в колготках и забавных тапочках на платформе.

Была еще одна разнополая парочка. Эти двое расположились по правую руку от хозяина «дома» и смотрели на Турецкого, дружно разинув рты. Иностранцы, догадался Турецкий. Дама выглядела экстравагантно. Определить на глаз ее возраст было невозможно. Сухая, как цветок, который год не поливали, волосы иссиня черные, изувеченные мелированием, прямые, как спицы, нос крючком, брови взлет, глаза под цвет волосам, одета во что-то клоунское – желто-буро-малиновое. Ее ноги покоились на коленях мужчины, худые, с резко очерченными косточками на ступнях. Мужчина терпел, хотя, возможно, испытывал неудобства. Он носил очки в массивной оправе – в нем практически не было ничего экстравагантного, если не обращать внимания на полосатые брюки. Нормальное телосложение, нос картошкой, волосы с отливом седины, странная ямочка в центре подбородка – словно пальцем вдавили.

– Игорь Максимович, я накрыла на девять персон, прошу к столу, – из пристройки между рубкой и палубой, где находилось, по всей видимости, кают-компания, вышла женщина в переднике. И эта особа носила очки – идеально круглые, делающие ее глаза неприлично огромными. Список странностей могла бы продолжить прическа – а ля Дракула из одноименного фильма: волосы, собранные в два тугих горба на макушке, напоминали обрезанные рога.

Женщина пересчитала гостей, обнаружила инородное тело, открыла рот, и глаза ее сделались шире, чем оправка очков.

– Или десять персон? – пробормотала она, – Я, кажется, что-то упустила...

– Данный господин – самозванец, Герда, – хихикнула одиноко сидящая девушка, – самозванцы, как известно, не едят.

«Не стоит, – подумал Турецкий, – все равно вырвет».

– М-да уж, – любитель гавайских рубах задумчиво потер переносицу.

Приоткрылась дверь на капитанском мостике, появилась любознательная физиономия рулевого. Мужчине было около тридцати, он мог похвастаться хорошо накачанным торсом, да

и лицо имел такое, с которым не стыдно появиться в женском обществе. Что-то завозилось в районе мачты – разогнул спину коренастый мужчина, с которым Турецкий был знаком «одним глазом» – этому парню тоже не чужда была любознательность. Стало смешно – то никого, то вдруг такое столпотворение. Он пошевелил затекающей ногой – напрягся субъект, отзывающийся на имя Салим. Оскалился Манцевич, пошевелил крючковатыми пальцами. На ум пришел помолодевший профессор Мориарти из фильма про Шерлока Холмса. При взгляде на таких людей невольно задаешься мыслью: а все ли должно быть в человеке прекрасно?

– Представьтесь, пожалуйста, – сухо попросил хозяин яхты.

– Турецкий Александр Борисович, – отозвался сыщик, – мне очень жаль, что так случилось...

– Вас пока не просят извиняться, – резко оборвал хозяин.

– Он выглядит ужасно, но на бомжа он не похож, – предположила дама в соломенной шляпке.

– Душевно принял вчера на грудь, – догадался толстяк Феликс. – Традиционный русский бич. Водку пьют во всем мире, но в России ее едят. Будем снисходительны, господа. У меня тоже в прошлом году был подобный случай. Просыпаюсь утром на ковре – ужас! Ведь ковер на стене висит!

– Снисходительны, Феликс? – процедил хозяин, не спуская глаз с неожиданного гостя. – Хорошо, давайте будем снисходительны.

– Минуточку, – растерянно пробормотал мужчина с морщинистым лицом, – ты хочешь сказать, Игорек, что не знаешь этого человека?

– Ты где-то прав, братишка, – усмехнулся хозяин, – я понятия не имею, кто это такой. Я впервые его вижу.

– О, это так по-русски! – с сильным акцентом сказала дама-иностранка и грубо захохотала. – И почему я с вами, русскими, уже ничему не удивляюсь?

– Ирония судьбы, – сказала одиноко сидящая дама, – или с легким паром.

– Постойте, – нахмурился мужчина, у которого на коленях лежали худые женские ноги. Он знал, в принципе, русский язык, но акцент выдавал его с головой, – ты хочешь сказать, Игорь, что этот человек упал... как это у вас говорят... с неба?

– С дуба рухнул, – пробормотала девушка. – С Луны свалился...

– Вчера его точно не было, – сказала дама бальзаковского возраста в солнцезащитных очках. – Может, он на чем-нибудь приплыл?

«На своих двоих», – подумал Турецкий.

– Но мы уже милях в тридцати от берега... – чирикнула дама в соломенной шляпке.

– Какая прелесть! – засмеялась иностранка.

– Самое время рассказать вашу грустную историю, сеньор, – негромко, с паузами Станиславского, произнес хозяин. – Вижу, как вам трудно произносить слова, похоже, вас вчера досыта накормили патефонными иглками, и все же попробуйте. Герда, подождите несколько минут. – Он поднял голову и прохладно улыбнулся женщине со странной прической. – Я думаю, второй завтрак никуда не умчится.

– А жалко, – вздохнул толстяк, – в желудке так урчит.

Турецкий вытягивал из себя слова, словно воду извлекал со дна бездонного колодца. Он поведал, кто он такой, что (и с кем) он делал в Сочи, как ситуация, которой он мастерски владел, внезапно ушла из-под контроля, зашаталась и рухнула под ноги земля... и вот он здесь. Дабы удостовериться свою «знаменитую» личность, он отправил руку во внутренний карман, но бдительный телохранитель не дремал, сжал его запястье. В карман забрался Манцевич, извлек документы, просмотрел, передал хозяину. Пока тот, морща лоб, изучал лицензию и паспорт, Салим обхлопал карманы Турецкого, заставил его встать, проверил сзади, толкнул обратно в шезлонг.

– Чисто, Игорь Максимович.

Парень говорил почти без акцента и профессионалом, судя по отрывочным наблюдениям, являлся подготовленным.

– Да, он частный сыщик, – хмыкнул хозяин, бросая документы на столик. – Можете взять, любезный.

– А вы не могли бы мне их передать? – взмолился Турецкий. – Страсть как не хочется вставать. Вам бы побывать в моем состоянии.

Хозяин, как ни странно, засмеялся, сделал знак Салиму. Телохранитель забрал со стола документы, бросил Турецкому на колени. Хозяин, поджав губы, пристально разглядывал незнакомца. Минотавр сомнений терзал его душу.

– Какая правдивая история, – заметила дама в шляпке. – Ты веришь ему, Игорек? На вид он вроде нормальный человек. Грамотная речь, самоирония, высшее образование на похмельной физиономии...

– Проверим, – пожал плечами хозяин. – По его словам, он проснулся в той каюте, которая как раз не используется. Удачно он попал.

– Вранье, Игорь Максимович, – заявил Манцевич, – вранье от первого до последнего слова. Мог бы выдумать что-нибудь пооригинальнее.

– Нормально выдумал, – возразил Турецкий, – в кои-то веки сказал чистую правду.

Засмеялась одиноко сидящая девушка. Хрюкнула, хотела что-то сказать, но ничего не сказала иностранка с демонической внешностью.

– Да нет, он, кажется, не врет, – махнул рукой смутно знакомый толстяк. – Посмотрите внимательно на этого господина. Не хотел бы я сейчас оказаться в его страдающей шкуре. Такое похмелье может быть только после литра паленой водки. А он не похож на человека, употребляющего паленую водку. Да и на глупца он не похож.

– Больше врешь – умнее станешь, – задумчиво вымолвила особа в черных очках.

– Больше врешь – сильнее хочется, – фыркнула девушка.

– Бр-р, какая гадость – эта ваша паленая водка, – передернул плечами морщинистый мужчина. – Хлебнул – и в ящик. Помнится, в прошлом году случайно взяли суррогат, продававшийся под видом всемирно известного бренда...

Дама в черных очках толкнула его ногой. Мужчина смутился и замолчал.

– Послушайте, господа, – с сильным акцентом произнес мужчина иноземной наружности, – может, у вас, у русских, это и в порядке вещей, но все-таки как-то странно... Хорошо, пусть все, что он говорит, чистая правда. Но как он попал на судно? Мы отшва... отшва...

– Отшвартовались, – подсказал толстяк.

– В одиннадцать часов вечера. Или почти в одиннадцать. Разве можно было незаметно попасть на яхту и спрятаться в пустой каюте? Нужно знать, что она пустая. А в его состоянии... – мужчина сделал круглые глаза, видно, представил себя в его состоянии.

Захохотал толстяк.

– Русский человек, уважаемый Робер, может решить любую проблему в любом состоянии, если не будет задаваться глупыми вопросами, типа «зачем».

– А если без шутки?.. – насупился иноземец.

– А если «без шутки» – это не ко мне, – отрезал толстяк. – Откуда я знаю, как он попал на это судно?

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, господа, в вашу беседу, – пробормотал Турецкий, – но данная часть моих приключений остается загадкой и для меня. Будучи человеком здравомыслящим и всячески неспособным к посягательству на чужую собственность, я никак не мог по доброй воле забраться на судно. Оказавшись на пристани, я бы, скорее всего, просто рухнул замертво и валялся до тех пор, пока меня не подобрала сочинская милиция. Можете поверить на слово, я не из тех людей, которым доставляет удовольствие нарушать чужую приватность.

– Что вы этим хотите сказать? – насутился Игорь Максимович.

– Он хочет этим сказать, Игор, – дама западных кровей произнесла имя на французский манер, проигнорировав мягкий знак, – что только с посторонней помощью он мог пробраться на «Антигону». Даже не пробраться... нет, другое слово... – дама раздраженно щелкнула пальцами, – О, мой бог, когда же вы начнете понимать по-французски?

– Размечталась, Николь, – хрюкнул толстяк. – Для этого нам национальность менять надо. Хирургическим путем. Лично я из вашего великого и могучего французского языка знаком лишь с одной фразой: «комбьен са ва кутэ» – «сколько стоит вот это?» Наша Николь, видимо, хочет сказать, что кто-то из присутствующих помог нашему гостю не потерять вертикаль и затащил на яхту, когда никто другой не видел. Этот человек знал про пустующую каюту и про то, что в нее никто не сунется. Он почти не рисковал. А по виду господина было ясно, что до утра он точно не проснется. А если умрет, то вообще не проснется.

– Спасибо, – кивнул Турецкий, – вы сказали именно то, что я хотел сказать.

– Я сказал лишь то, что хотела сказать Николь, – блеснул белозубой улыбкой Феликс. – И это не значит, что я разделяю ее мнение.

– О, уи, – сказала Николь, – глупость страшная, но это так. Кто это сделал, посмотрел его документы, в которых написано, что он детектив... Я не знаю, зачем ему здесь детектив.

– О, мой бред!.. – схватился за голову Игорь Максимович. – Провели, называется, уикенд в кругу родных и близких...

– Да ерунда это все, – махнула рукой дама в шляпке, исподтишка мазнув взглядом Турецкого. – Никому из нас не пришло бы в голову пойти на такое хулиганство...

– Конечно, ерунда, – процедил Манцевич, – вы можете распорядиться, Игорь Максимович, и мы с удовольствием выбросим этого забулдыгу за борт. Пусть плывет куда хочет. Не возвращаться же нам из-за него в Сочи?

Мысль была интересная. Люди приумолкли, стали анализировать поступившее предложение. Игорь Максимович мучительно обдумывал детали технического свойства, его супруга скромно потупилась, поигрывала трубочкой для питья. Морщинистый мужчина по имени Иван Максимович – судя по отчеству и отдельно брошенным словам, брат хозяина яхты – нерешительно поглядывал то на Турецкого, то на женщину в темных очках, которая вообще непонятно на что смотрела – сидела, сомкнув колени, с брезгливо поджатыми губами. Девушка гладела на нового пассажира, не скрывая любопытства. Мужчина по имени Робер потянулся к бутылке, закованной в плетеную соломенную сетку, плеснул себе в бокал бордовой жидкости. «Мерси», – сказала француженка, отобрала у мужа емкость, выпила. Француз вздохнул, вторично наполнил бокал, осушил, причмокивая.

– Благодарю за «забулдыгу», господин Манцевич, – пробормотал Турецкий. – А к Игорю Максимовичу у меня единственная просьба. Позвольте позвонить? Дело в том, что жена на берегу страшно волнуется. Она оставила меня в недвусмысленном положении и критическом состоянии. Не удивлюсь, если она поставила на ноги всю сочинскую милицию. Всего один звонок, Игорь Максимович. Не откажите. Если вам жалко своего телефона, то, может быть, кто-нибудь из добрых самаритян сжалится? А после разговора можете выбрасывать меня за борт.

Физиономии некоторых присутствующих зацвели улыбками.

– А не хрен спать с проститутками, – простодушно высказалась девушка. – Не случись с вами этого казуса – если не врете, конечно, – и жена бы сейчас радовалась, и мы бы были избавлены от вашего присутствия.

– Мадемуазель, – Турецкий поморщился, – вы невнимательно слушали мой рассказ. Ситуация случилась форс-мажорная, и вешаться на проститутку никто не собирался. Классическая подстава – и не говорите, что не знаете такого слова. Человек, отправленный мною

однажды в тюрьму на длительный срок, не устоял перед соблазном растоптать мое человеческое достоинство. Дайте же кто-нибудь телефон, в конце концов...

– Ну, хватит, довольно! – Игорь Максимович выпрыгнул легким движением из кресла. Брови сомкнулись на переносице. – Я решу, что с вами делать. Позднее. Возможно, вы получите право на один телефонный звонок. Или нет. Для начала мы должны позавтракать, а вас, уж не обессудьте, изолируют от нашего добропорядочного общества. Надеюсь, вы не претендуете на то, чтобы усесться за стол вместе с нами?

– О, боже упаси, конечно, нет, – успокоил его Турецкий. – Зачем вам смотреть, как меня рвет на ваши чистые скатерти?

Засмеялись двое – толстяк Феликс и француженка Николь. Еще девица загадочно улынулась. Остальные сделали такие лица, словно сами собрались проблеваться.

– Салим, уберись отсюда этот инертный материал, – выплюнул «распорядитель бала». – Я начинаю уставать от него. Посади в каюту и не спускай с него глаз.

– Добрый вы, Игорь Максимович, – процедил Манцевич. – А может, все-таки, лучше?..

– Не спорь с начальником – денег не будет, – отрезал хозяин. – Сказал же, позднее решу. Мы еще разберемся, что у него на уме.

Железная длань Салима сжала предплечье, поволокла из кресла. Говорить какие-то слова, видимо, было бессмысленно.

– Прошу за стол, господа, – объявил хозяин, – в кают-компаниии давно накрыто, и наша добрейшая Герда уже грызет от злости свою поварешку.

– Господи, а Николашу-то не разбудили, – спохватился морщинистый мужчина.

– Он такой у нас засоня, – покачала головой дама в черных очках.

– Да оставьте вы в покое своего отпрыска, Иван Максимович и Ольга Андреевна! – пафосно воскликнул Феликс. – Проснется – придет, похватает какие-нибудь объедки.

– Нет, я, пожалуй, разбужу его, – девица начала выбираться из кресла. – Такое поведение уже становится неприличным.

– Хотелось бы промолчать, господа, – сказал Турецкий. – Эй, парень, не тяни ты меня, я же тебе не баржа... Но врожденная порядочность не позволяет этого сделать. Дело в том, что после пробуждения я немного походил по нижней палубе. Жаль такое сообщать, но в одной из кают я обнаружил молодого человека без признаков жизни. Возможно, и даже наверняка – это ваш Николай.

Вздрогнула дама в черных очках. Помедлила и приподняла на лоб свои очки, открыв обеспокоенный взор. Когда-то у нее были красивые глаза, а сейчас их окружала паутина морщин, портя всю красоту.

– Что вы этим хотите сказать? Ваша фраза – «без признаков жизни»...

– Спит мертвым сном, – отрубилa девушка. – Сейчас мы его воскресим. Вы позволите жесткий захват, Ольга Андреевна?

Но материнский инстинкт обмануть было трудно. Сказанное Турецким уже невозможно было вырубить никаким топором. Она смотрела на него, и взгляд ее проникал в глубины мозга. Женщина медленно поднялась.

– Мне очень жаль, – сказал Турецкий (ох уж эта ненавистная фраза, почерпнутая из иностранных фильмов), – но молодой человек, судя по всему, мертв.

А далее была форменная катавасия. Люди дружно загалдели, стали возмущаться – почему самозванцу сходят в рук такие слова! Да кто он такой, что он себе позволяет! Пышущий злобой Манцевич тряс кулаком у его физиономии. Возмущалась прислуга с интересной прической, высунувшаяся из кают-компаниии – что-то гневно вещала, грозила кулачком. Ругался последними культурными словами морщинистый мужчина. Только девушка, собравшаяся будить своего жениха, вдруг резко остановилась, повернулась и воззрилась на Турецкого

долгим немигающим взглядом. А еще женщина с водруженными на лоб черными очками вдруг стала смертельно бледнеть, взялась за сердце, сделала глотающее движение, робко, неуверенно улыбнулась – дескать, что за чушь. Покачнулась. Морщинистый мужчина подхватил ее, усадил в кресло. Хозяин поманил Манцевича, прошептал ему что-то на ухо. Манцевич умчался на предельной скорости. Пошевелиться Турецкому не давали: красноречивый взгляд босса – и Салим швырнул его в шезлонг, сжал за воротник.

Манцевич оказался не их тех, кого следует посылать за смертью, примчался пулей, начал шепотом докладывать шефу. За лицом последнего занятно было наблюдать. Гневный румянец сходил на нет, причем – частями, а освободившиеся места стали приобретать бледно-зеленый колорит. Он закрыл глаза, переваривая услышанное, скрипнул зубами, что-то пробормотал. Манцевич резко повернулся, пригвоздив Турецкого взглядом к шезлонгу.

– Минуточку, господа, – запротестовал Турецкий, – уж не собираетесь ли вы предъявить мне обвинение? Должен вас огорчить, это не я убил вашего...

Он мог бы многое сказать, но подлетел Манцевич, хлестнул по щеке. Вдвоем с охранником они подхватили его за локти, куда-то поволокли. Внезапно громко взвыла женщина. Он точно помнил, что с внешнего трапа на нижнюю палубу его не сбрасывали – видимо, тащили через кают-компанию, где имелась короткая дорога вниз. Его швырнули в каюту, где он провел ночь, и чтобы не сломать о пол свой единственный нос, пришлось изворачиваться в процессе падения. Хлопнула дверь, провернулся ключ в замке. Он очнулся, посмотрел зачем-то на часы – всего лишь половина первого, поднялся, доковылял до койки, рухнул плашмя... и то ли уснул, то ли чувств лишился. Вернулся к жизни минут через сорок, доскрипел до санузла, напился до отвала. Постоял у зеркала, свыкаясь с мыслью, что отражение негативно скажется на его устоявшемся имидже, стащил с себя одежду, втиснулся в душевую кабинку, отыскал под ногами жалкий обмылок, помылся под тоненькой стружкой. В шкафчике отыскал худенькое вафельное полотенце, на соседней полке – расческу, которой, видимо, пользовались несколько поколений пассажиров «Антигоны», привел себя худо-бедно в порядок. Вернулся в каюту, почистил брюки, протер ботинки. Оценил себя в зеркале – до устоявшегося образа отражение немного не дотягивало, но сериал «Возвращение Турецкого» уже можно продолжать. К испытаниям готов. Он сел, задумался. Вероятность того, что все закончится быстро и благополучно, была исчезающе мала. Умникам вроде Манцевича не сложно убедить босса, что именно Турецкий повинен в смерти Николая. Подтвердить эту версию нечем. Но нечем и опровергнуть. Пиши пропало, Александр Борисович. Очень кстати ты помылся...

Сидеть без дела было скучно. Он размял кости, сделал несколько упражнений – видимо, рано: голова радостно среагировала. Он плюхнулся на койку, сжал виски, ждал, пока отпустит. Придвинул стульчик к иллюминатору, стал смотреть на море. Но тупое созерцание айвазовской массы без конца и без края тоже удовольствие на любителя. Он сделал два открытия. Первое – облака на небе разбежались, сбьлись пророчества насчет ясного дня. Второе – «Антигона» никуда уже не плывет. Двигатели не работали. Либо стоит на якоре, либо потихоньку дрейфует в открытое море по воле стихии. Он подошел к двери, приложил к ней ухо. Из коридора доносился истеричный женский визг. Соло сменилось дуэтом – подключилась мужская партия. Потом настала тишина. Продолжения концерта не последовало. Турецкий добрал до кровати, принялся восстанавливать в памяти все увиденное. Реакцию людей на известие о смерти парня, обстановку в каюте, где тот лежал. Профессия напоминала о себе даже в интересные жизненные моменты.

За ним пришли в начале третьего. Кто-то вставил ключ в замочную скважину, провернулась собачка, распахнулась дверь. Турецкий лежал на кровати и не видел, кого там принесло. Скрипнул пол, образовался Манцевич. Встал, скрестив руки на груди, надменно обозрел арестанта. Сыщик лежал, забросив руки за голову, демонстрируя здоровый пофигизм.

– Вставай, проходимец, – процедил Манцевич.

– А священник будет? – Турецкий вздохнул, почесался, начал неторопливо выбираться из кровати. – Кстати, если уж у нас такие доверительные отношения, может, я тоже буду обращаться к вам на «ты»? Не против? Итак, дружище, какого хрена тебе надо?

– Пошли, – раздраженно повторил Манцевич, – люди собрались в кают-компанию, ждут.

– Оригинально, – пробормотал Турецкий, запуская пальцы в шевелюру. – «Антигона» уже вернулась в Сочи? Вызвана милиция, составлены протоколы, проведены положенные процедуры, допрошены свидетели? Сомнительно, Манцевич. Яхта стоит, никто не собирается обращаться в милицию. Сколько отсюда, говорите, до Сочи? Тридцать морских миль? Ага, умножаем тридцать на один и восемь...

– Ты пойдешь или нет, умник? – вскипел Манцевич. – Или повторим упражнение?

Он встал, выходя из каюты, мельком глянул на себя в зеркало – кардинальная смена имиджа еще не произошла, но если ему повторно не начистят физиономию, он вернется в привычное тело.

– Направо, – проворчал в спину Манцевич. Турецкий послушно повернул. Лестница из машинного отделения завершалась площадкой на нижней палубе, но не обрывалась, а переходила в другую. Поднявшись, он оказался в узком коридоре с дверями – наверное, камбуз, материальный и продуктовый склад, еще какие-то помещения сугубо специфического свойства, а уж из коридора, минуя резную дверь, был проход в кают-компанию. «Титаник» какой-то», – думал Турецкий, отгибая бархатную штору.

В кают-компанию царило гробовое молчание, невзирая на то, что здесь собралось практически все население «Антигоны». Помещение было небольшим, но уютным. Стены обиты мореным дубом, мягкие кресла из крашеной кожи «под леопарда» стояли полукругом. Поблескивал гляцевый паркет. Шкафчики с орнаментом, бар, стеклянные столики, плазменная панель, снабженная DVD-проигрывателем и коллекцией компакт-дисков. Боковые окна были задернуты шторами, зато из фронтальных открывался «живописный» вид на стальную мачту, верхнюю палубу, где уже навели порядок и шезлонги были расставлены в ряд, и кусочек пронзительно синего моря. По каюте плавал вишневым ароматом сгоревшего табака – владелец яхты Игорь Максимович, погруженный в кресло с деревянными подлокотниками, курил сигару. Остальные терпели.

В затылок дышал Манцевич, создавая дополнительный дискомфорт. Всхлипнула женщина с глазами, окруженными сеточкой морщин. Но не расплакалась, закрыла глаза ладонью, а когда убрала руку, глаза были сухи, бесцветны и лишены всяческих намеков на то, что они являются частью живой материи. Морщинистый мужчина сидел рядом с ней. Он окончательно сморщился, потупил голову, судорожно поглаживал по плечу жену. Турецкий поискал глазами невесту покойника. Девушка и на этот раз сидела особняком – с высоко поднятой головой, сжатыми губами. Она смотрела на Турецкого, не мигая, теребила поясok платья. Ноготок большого пальца вгрызался в указательный. Ей, наверное, было больно. Еще немного, и могла пролиться кровь.

– Присаживайтесь, Александр Борисович, – нейтральным голосом проговорил Игорь Максимович, кладя сигару на плоскую бронзовую пепельницу. – Это кресло для вас.

Он сел. Из кресла он видел всех, а все прекрасно видели его. Теперь чесался не только затылок, чесалось все тело – от макушки до мизинца на левой ноге.

– Рад, что вы похожи на человека, – поведал хозяин. – Вы не голодны, Александр Борисович?

– Признаться, нет, – пробормотал Турецкий. – Но, думаю, через пару часов остатки токсинов покинут организм, и самое время будет подумать о хлебе насущном.

– Отлично, – кивнул хозяин, – через пару часов Герда принесет вам в каюту обед.

– Я еще подозреваемый? – на всякий случай уточнил Турецкий. – Мне нужен адвокат? Или священник?

Хозяин раздраженно поморщился. Дыхание Манцевича сделалось прерывистым, участилось, он чувствовал его затылком. Обычно такое происходит, когда хотят что-то сказать. Или сделать. Но вроде обошлось, Манцевич покинул пост за спиной, лисьим шагом добрался до свободного сиденья, сел, сложив руки на колени.

– Небольшая вводная лекция, Александр Борисович, если позволите, – вкрадчиво начал Игорь Максимович. – Итак, вы находитесь на борту круизной яхты «Антигона», принадлежащей Голицыну Игорю Максимовичу, то есть вашему покорному слуге. Нетрудно догадаться, что я предприниматель, занимаюсь крупным бизнесом в портовых городах России. О характере своих занятий сообщать не буду, скажу лишь, что проживаю на постоянной основе в Москве, хотя имею чуток недвижимости в других частях страны и света.

От внимания не укрылось, как при последних словах неясная тень пробежала по челу бизнесмена. Причин тому могла быть масса – например, тяжелый финансовый кризис, коснувшийся буквально всех, а кое-кого и скрутивший в бараний рог.

– Я не олигарх, – усмехнулся Голицын, – все гораздо проще. Или сложнее. Впрочем, вас это не касается.

«А я и не претендую», – подумал Турецкий.

– Итак, вчера вечером в двадцать три часа сорок минут по местному времени яхта «Антигона» отошла от пирса в районе Медянки. Столь позднее время отплытия обусловлено тем, что кое-кому из моих гостей не хватает собранности и дисциплинированности. В десять вечера с яхты на причал был переброшен трап, а через полтора часа убран. В данный промежуток времени вы, очевидно, и попали на яхту. Матросам Глотову и Шорохову вменялось в обязанность следить за трапом, но они не уследили. В текущий момент эти парни здесь не присутствуют, выполняют свои обязанности, но с ними уже поговорили. Они уверяют, что ничего такого не видели. Показания нуждаются в проверке, но, думаю, с этим не горит. Куда важнее другое. Намечался банальный уикенд, отдых, два дня бездумного ничегонеделания в компании друга, родственников и семьи делового партнера, с которым нас много лет связывают приятельские отношения... Оленька, ты уверена, что с тобой все в порядке и ты хочешь здесь сидеть?

Женщина не сразу поняла, что к ней обращаются. Супругу пришлось наклониться, что-то шепнуть на ухо. Она вздрогнула, подняла на Голицына пустые глаза. Голицын повторил вопрос. Женщина равнодушно пожала плечами.

– Какая мне разница, где сидеть... – словно ветерок прошелестел по стенам и вылетел в открытую дверь.

– Хорошо, – сочувственно кивнул Голицын, – займемся представлением присутствующих. Моя жена Ирина.

Женщина уже избавилась от своей соломенной шляпки. Без головного убора ей было гораздо лучше. Она заметно волновалась – подвижное лицо отражало то беспокойство, то страх, то какую-то нелепую обреченность. У нее не все в порядке было с нервами, хотя она старалась выглядеть спокойной. Женщина была достаточно привлекательной. Овальное лицо, пепельные волосы, красиво обрамляющие голову, трогательная ямочка на щеке. Она быстро взглянула на Турецкого и кивнула.

– Ириша нервничает, – прокомментировал Голицын, – но это именно то, что сейчас делаем все мы. Лаврушин Иван Максимович, мой родной брат. Он старше меня на восемь лет.

Морщинистый мужчина отрывисто кивнул и спрятал от Турецкого глаза.

– Ольга Андреевна Лаврушина – его супруга.

До женщины снова не дошло. Мужчина прошептал ей что-то ухо, она устремила сквозь Турецкого водянистый взор. Он невольно подумал, что лучше бы она вернула на глаза свои черные очки – в помещении сразу бы стало уютнее. Такое ощущение, что вместе с живыми в кают-компании присутствует покойник.

– Николай, о безвременной кончине которого мы все скорбим, был ее сыном.

«Видимо, не все скорбят, – подумал Турецкий. – В противном случае, его не настигла бы безвременная кончина».

– Мой брат Иван – отчим Николая. Когда он женился на Ольге Андреевне, Николаю было шесть лет.

– Я давно уже забыл, что он мне не родной, – пробормотал Лаврушин. – Он был мне настоящим сыном...

– Иван Максимович занимается мелким бизнесом в Дагомысе, – продолжал Голицын, – Ольга Андреевна помогает ему – у нее высшее экономическое образование, она ведет в фирме бухгалтерию. Николай окончил юридический институт, работал по специальности в одном из моих отделений в Красной Поляне. Работал хорошо, я подумывал о том, не назначить ли парня начальником юридического отдела... – Голицын виновато покосился на Лаврушину. – Прости, Оленька. Понимаю, как тебе это больно. Мне тоже больно, я потерял племянника...

– Но, строго говоря, Николай не был вашим племянником? – заметил Турецкий.

– Не будем говорить строго, – возразил Голицын. – Мы все – большая дружная семья. Ксюша – невеста Николая, очень хорошая девушка. Когда Николай сказал, что хочет взять ее с собой на уикенд, я охотно согласился.

Ксения устремила на говорящего странный взгляд – словно испугалась, что Голицын ляпнет что-то лишнее. Но бизнесмен держался в рамках этикета. Ему нравилось находиться в центре внимания.

– Ксения живет в Краснодаре, работает в инвестиционной компании. Финансами не занимается, она психолог в коллективе. Специализация... напомни, пожалуйста, Ксюша.

– Конфликтология, – вздохнула девушка, – поддерживаю парниковую температуру в дендрарии...

– Ты хотела сказать, в серпентарии, – поправил Голицын. – Держись, Ксюша...

– Спасибо, Игорь Максимович, я держусь, – прошептала девушка.

– Пэрмэтэ муа де ме прэзэнтэ... – блеснул отрывочными познаниями французского бизнесмена, – а проще говоря, позвольте представить вам – Робер Буи и его дражайшая половина Николь. Мои давнишние друзья и деловые партнеры. Вернее, партнер – Робер, – Голицын сдержанно улыбнулся. – Мой друг – мон ами. Даже правильнее сказать: мон майер ами – мой лучший друг. А Николь хозяйничает в лавке по продаже финтифлюшек на Елисейских Полях. Очень продвинутая личность. Актриса, музыкант, художница, домохозяйка...

– О, да-да, – картаво забормотала француженка. – Актрис, мюзисьен, пэнтр, мэнажэр... Финти... Как ты сказал, Игор? – женщина вскинула стреловидные ресницы. – Флюшки? Это что такое?

– Это то, что ты продаешь, Николь. Очень полезные и незаменимые в хозяйстве предметы. Цепочки, искусственные кактусы, резиновые крокодилы, пуговицы с мундиров наполеоновских солдат, каменные фаллосы, сработанные ремесленниками времен династии Цин... – он виновато покосился на закрывшую глаза Ольгу Андреевну. – С Робером нас связывает долгое и плодотворное сотрудничество в сфере бизнеса.

– О, это есть действительно так, – важно выпятив губы, сообщил француз. – Игорь помог с инвестициями мне, я помог Игорю.

– И мы весьма довольны друг другом, – резюмировал Голицын. – И просто невозможно обойти стороной нашего любимого друга господина Феликса Печорина. – Голицын оборотил свой взор к толстяку, который развалился на кушетке и перебирал пухлыми пальцами пуговицы на едва сходящейся на животе жилетке. – Человек, которого невозможно не любить.

«Мне не нравится в нем лишь три вещи, – подумал Турецкий, – подбородок».

– Мне кажется, я вас где-то видел, – пробормотал Турецкий, – вы не выступали на последней ассамблее ООН?

– Не зовут, – развел руками толстяк.

– Феликс Печорин – известный в столице и за ее пределами писатель-беллетрист, – продолжал подбрасывать информацию Голицын, – автор модных детективов о похождениях гениального сыщика Михаила Вагнера и его шустрого помощника журналиста Пичугина. Тонкий психологический сюжет, непременно несколько перестрелок, пара драк – и в качестве обязательного условия совершенно непредсказуемая развязка. В прошлом году суммарный тираж книг моего старинного школьного приятеля превысил тиражи знаменитых Пушкина и Донец-Поляковской. Вы могли его видеть, например, на встречах, которые Феликс регулярно проводит со своими восторженными читателями, или на канале «Культура», куда его не так давно приглашали на творческий диспут и который закончился, к сожалению, скандалом. Но это нормально – критики по отношению к Феликсу занимают однозначно... неоднозначную позицию.

– И это совершенно естественно, – украдкой подмигнул толстяк. – Джонатан Свифт еще подметил: критика – налог, который великий человек платит публике.

– Вспомнил, где вас видел, – сообразил Турецкий, – на рекламном плакате в газетном киоске, где я ежедневно покупаю свежую прессу. Внешность киоскерши интереса не представляет, вот и приходится глазеть по сторонам, пока она считает мелочь.

– Пусть так, чем никак, – добродушно прогудел Феликс. Он не собирался обижаться – вероятно, человек, и в самом деле, коммуникабельный.

– Феликс Печорин – творческий псевдоним, – подала голос Ксения. – Настоящая фамилия нашего литератора – Ряхин. Алексей Ряхин. Разумеется, невероятно сложно добиться с такой фамилией популярности...

– Фу, ну, зачем, милочка? – поморщился писатель. – Право слово, такие подробности никого из присутствующих не интересуют.

– Интересует то, что наш писатель в процессе творчества не всегда высасывает сюжеты из пальца. Он часто контактирует с представителями правоохранительных органов, частных сыскных структур и, чего уж греха таить, представителями, хм, неформальных организаций. А так как занимается своим ремеслом он уже много лет, то, покопавшись в памяти, вспомнил некогда популярного в Москве следователя прокуратуры Турецкого, на счету которого было не меньше сотни успешно раскрытых дел.

– Популярность – явление временное, – пробормотал Турецкий.

– Ах, как вы правы, – патетично возвестил литератор. – Иллюзий не питаю, пройдет еще год, другой, третий – и, увы, вся эта, с позволения сказать, литература станет никому не нужна. Такая же фигня приключилась и с вами. Хм, сферы приложения наших усилий, конечно, несколько разные...

– Я, кажется, догадался, – усмехнулся Турецкий. – Вы пришли к досадному мнению, что, будучи специалистом по раскрытию преступлений, Турецкий не мог пойти на ничем не обоснованное убийство незнакомого человека. Тем более в состоянии, весьма приближенном к коме. Поздравляю, господа, вы на верном пути.

– Господин Манцевич, немного знакомый с криминалистическими процедурами, уверяет, что смерть наступила в промежутке от часа до двух ночи, – сказал Голицын. – Разумеется, никто не собирается вас обвинять. Опустим пока вопрос, как вы попали на яхту. Будем считать, что дело житейское. Оказались в каюте и сразу уснули.

«Интересно, как Манцевич определил время смерти? – недоуменно подумал Турецкий. – Приложил руку ко лбу покойника?»

– Представляю вам господина Манцевича Альберта Яковлевича, – объявил Голицын, – мой секретарь, помощник, консультант по особому рода вопросам.

«И заплечных дел мастер», – мысленно закончил Турецкий.

Не нуждающийся в представлении Манцевич воздержался от учтивого кивка, но от язвительной ухмылки воздержаться не смог.

– Кстати, у меня имеется пара слов к господину Манцевичу, – встрепенулся Турецкий. – Я прощаю вам, Альберт Яковлевич, ранее случившееся рукоприкладство, но если вы попробуете еще разок распустить руки, мне придется ответить, и вам, ей-богу, не понравится. Так что держите свои позывы при себе, договорились? И мне абсолютно безразлично, что подумаете об этом вы и ваш шеф.

Физиономия Манцевича местами порозовела. Голицын сделал предупреждающий жест.

– Не ссорьтесь, дети. Александр Борисович, возможно, прав – нужно уважительно относиться друг к другу. Представляю вам Герду – м-м... работницу нашего дома. Она любезно согласилась прокатиться с нами из Москвы до Сочи.

Дама с тугими «наростами» на макушке с достоинством кивнула и задрала нос.

– А также двух матросов – Глотова и Шорохова, которые в данный момент работают и подойти не могут. Ну, и Салим – наш семейный ангел-хранитель. Не следует обращать внимание на его мусульманское имя, человек родом из Татарстана и до сегодняшнего дня неплохо справлялся со своей работой.

В распахнутых дверях на палубу возникла подтянутая фигура телохранителя в спортивном пиджаке.

– К чему эти утомительные представления, Игорь Максимович?

– Вы еще не догадались, Александр Борисович? – бизнесмен удивленно взметнул брови. – Хотите честно заработать?

– Не хочу, – помотал головой Турецкий, – я в отпуске.

– Не хотите заработать?

– Честно – не хочу. Это шутка, Игорь Максимович. Но в каждой шутке, как известно...

– Признаюсь по секрету, Александр Борисович, – вкрадчиво сказал Голицын. Глаза его сделались стальными, челюсть отвердела – и сразу же втянула голову в плечи Ирина Сергеевна, – хотя для остальных присутствующих это не является секретом. Я вполне миролюбивый и компанейский человек, если дело касается досуга и прочих семейных ценностей. Но в отношении работы и дел, которые я считаю важными и основополагающими, со мной лучше не спорить. Вы находитесь на борту моей яхты, поэтому будьте добры играть по правилам, которые здесь устанавливаю я. Не хотелось бы вам угрожать, а также применять меры воздействия...

– Между прочим, сермяжная правда, – вставил писатель. – В делах наш Игорь Максимович крут, и под горячую руку ему лучше не попадаться. Смиритесь, Александр Борисович, – вы в чужом монастыре.

Турецкий благоразумно промолчал.

– Итак, в одиннадцать сорок пять «Антигона» отшвартовалась от пирса и вышла в открытое море. Как уже было сказано, обычная развлекательная прогулка. Приятно провести время, искупаться в открытом море, половить рыбку... в общем, насладиться морской жизнью. В воскресенье вечером яхта должна была вернуться в Сочи. Думаю, не стоит сейчас восстанавливать хронологию событий – в какое время и в какой последовательности пассажиры восходили на борт. Вы сами это сделаете позднее. В кают-компании Герда накрыла поздний ужин, но время было позднее, многие сразу легли спать, чтобы пораньше проснуться.

– Я поел, – хмыкнул писатель.

– Еще бы ты не поел, – ухмыльнулся Голицын. – На нижней палубе вы уже были. Представляете там обстановку. Передний отсек – для гостей и хозяев, задний – для обслуживающего персонала. Каюту Николая вы уже знаете. Первая по правому борту. В следующей поселили Ксению, за ней – Иван Максимович с Ольгой Андреевной. Затем пустая, далее Манцевич, и последнюю каюту на этой стороне выбрал Феликс.

– Мне понравилось, – с достоинством кивнул беллетрист. – Кровать мягкая, могу на животе лежать. А чуть пожестче, уже не могу – качаюсь неваляшкой.

– Первые каюты слева, – повысил голос Голицын – он не любил, когда его перебивали, – я, Ирина и Салим. Далее – вновь пустая, далее – Робер с Николь и, наконец... снова пустая.

– Мерси, Игор, – улыбнулась француженка, – у тебя немного уютно, нам понравилось. Правда, Робер?

Француз с важностью кивнул.

– Только в клозете немножко мусор, – призналась Николь. – Плохо льется вода, понимаешь? И иллю... илли... как это... окно нельзя открыть.

– Что же ты сразу не сказала? – поморщился Голицын. – Работнички, итить их!.. Я пришло матроса, он все сделает. Что касается второго отсека – две каюты там пустые (в одной из них весьма «своевременно» оказались вы), в третьей поселилась Герда, в четвертой – оба матроса. Можете назвать последнюю кубриком. Парни проверенные, оба местные, не впервые выходят с нами в море. Такая вот диспозиция на текущий час. Николай Лаврушин, к нашему великому прискорбию, мертв. Был ли это несчастный случай? Складывается впечатление, он с кем-то разговаривал. Разумеется, это были не вы. Зная, что на борту такого субъекта быть не должно, Николай поднял бы шум. Альберт с Салимом осмотрели тело. Николая ударили по лицу – в районе переносицы имеется припухлость и небольшая ранка, порвалась кожа. Он упал, ударился затылком о выступающую часть обрамления иллюминатора. Пролежал всю ночь. Утром люди поднялись на верхнюю палубу – вы сами были свидетелями, мы сидели, мирно общались, ждали, пока Герда накроет на стол. Так уж вышло, что к Николаю этим утром никто не заглянул.

– Почему? – Турецкий повернулся к Лаврушиным, перевел глаза на Ксению. Девушка побледнела еще больше, сжала пальцами подлокотник. Моргал, волновался и собирал с одежды несуществующие ворсинки Иван Максимович. Смотрела в точку и не шевелилась Ольга Андреевна.

– Не будем сейчас разбираться, – поморщился Голицын. – Вы сами это выясните. Надеюсь, вы улавливаете мою мысль? Вам предстоит провести расследование обстоятельств смерти моего племянника Николая Лаврушина. Вы должны найти виновного, который находится на этом борту. В вашем распоряжении остаток сегодняшнего дня, весь завтрашний день и, если понадобится, понедельник. Человек, который это сделал, признаваться не намерен. Поэтому я вынужден принять меры. С этого момента под подозрением находятся все.

«И даже вы», – подумал Турецкий.

– Ходите, разбирайтесь, беседуйте со всеми, с кем посчитаете нужным, суйте нос не в свои дела, никто не будет чинить вам препятствий. Вам же нужно поддерживать себя в профессиональной форме, нет?

– Особенно в отпуске, – пробормотал Турецкий.

– Не будем начинать все заново, – Голицын нахмурился. – Вопрос об оплате мы обсудим позднее.

– Подождите... – очнулась Ольга Андреевна, подняла голову, обвела безжизненным взглядом присутствующих. Люди смущались, прятали глаза. – А как же... Николаша?

– Мне очень жаль, Оленька, но ты должна понять, – мягко произнес Голицын. – Тело должно быть предано земле, и оно будет предано. Но позднее. Пусть наш сыщик внимательно его осмотрит, а потом мы отнесем Николая в холодильник. Уикенд превращается в дни скорби, что поделать. Я отдал распоряжение Глотову и Шорохову – судно не вернется в Сочи. Мы будем дрейфовать вдоль береговой полосы. Если понадобится, встанем на якорь. «Антигону» никто не покинет. Средства связи всем придется сдать, я запру их в сейф... хотя, я не думаю, что здесь имеется сотовая связь.

– Главное, не забраться в территориальные воды Грузии, – усмехнулся Феликс, – а то будет нам всем вторая осетинская война.

– Ты считаешь, это самое главное? – устремил на него Голицын неприязненный взгляд.

– Прости, Игорек, – Феликс скорчил театрально-рабскую мину.

– Мне кажется, вы поступаете неправильно, Игорь Максимович, – сказал Турецкий. – О смерти на борту следует известить правоохранительные органы. А уж органы, вкуче с медициной, пусть решают – было это убийство или несчастный случай. Царапина на лице, говорите? Тем более – человек, ударивший Николая, мог занести ему под кожу свой эпителий, частички своего ДНК. Возьмут пробы у присутствующих на борту, сравнят – и через день, от силы два, виновный в гибели молодого человека будет известен правоохранительным органам.

– Может, правда, Игорь? – подняла голову Ольга Андреевна. – Зачем тебе нас мучить? Этот человек все равно ничего не сможет выяснить...

– Повторяю в десятый раз, мне очень жаль, Оленька, – с ноткой раздражения сказал Голицын, – но вопрос уже решенный. Сыщик, свалившийся нам на голову, проведет расследование и доложит о результатах. Не буду объяснять, какими причинами я руководствуюсь, поступая именно так. «Их есть у меня», можете не сомневаться. Незачем милиции раньше времени совать свой нос в чужие дела. В положенное время органам сообщат. И попробуйте убедить меня в том, что я должен быть другим, – нотки раздражения в голосе миллионера окрепли.

Народ безмолвствовал. Уикенд накрылся ржавым тазиком, – красноречиво говорила обиженная физиономия писателя-беллетриста. Лучший друг подозревает нас – своих лучших друзей? – гласила изумленная мина коммерсанта Робера. Его супруга с растущим любопытством разглядывала Турецкого. Уткнулся в пол Лаврушин. Молчали, никого не замечая, две скорбящие женщины.

– Прошу прощения за глупый вопрос, Игорь Максимович, – подала голос Герда, – но обед по расписанию?

– Компот сварил, – проворчал Голицын, – печальный день, как-никак. Помянем душу раба божьего... Господа, можете расходиться. Не возражаю, если каждый займется своим делом.

– Минутка есть, Игорь Максимович? – поинтересовался Турецкий.

Они остались одни в кают-компании. Пассажиры разбрелись – кто по палубам, кто по каютам. Последней удалилась Ирина Сергеевна – вопросительно глянув на мужа. Голицын снисходительно кивнул – иди, мол, так и быть. В проеме образовался бдительный глаз телохранителя – скептически смерил «неблагонадежного» пассажира. Еще один жест со стороны босса – Салим неохотно отклеился от косяка, прикрыл дверь на палубу.

– Хотите начать с меня? – усмехнулся Голицын. – Ну, что ж, имеете право.

Он поднялся, добрался до холодильника, утопленного в стену, извлек оттуда банку чешского пива, раскрыл, слизал пену, сделал глоток. Миллионер, разминающийся пивом, – это занятная картина, но Турецкого в данный момент больше интересовало лицо Голицына.

– Пива хотите?

– Нет, спасибо. Не такой уж я и специалист по уничтожению алкоголя путем приема внутрь.

– Да ну?! – изумился миллионер.

– Ну да, – кивнул Турецкий. – Забудьте все, что видели сегодня утром. Вы точно не хотите обращаться в милицию?

– Послушайте, Александр Борисович, – начал раздражаться Голицын, – я похож на человека, меняющего свои решения? – Он пересек кают-компанию, опустил в кресло. Видимо, это было его любимое кресло.

– Так я же не спорю, – Турецкий пожал плечами. – Вам решать. И ошибки – тоже ваши. Скажите, вы много лет женаты?

– Четыре года, – усмехнулся миллионер. – Я встретил Ирину на балу в Санкт-Петербурге. Звучит глупо, но так оно и было. Один авторитетный господин, директор крупного благотворительного фонда, имеющий устойчивые связи с генерал-губернатором... пардон, губернатор-

шей, – Голицын язвительно усмехнулся, – устроил званый вечер в одном из питерских дворцов. Я вырвал эту женщину буквально из пищевода у какого-то алчного гангстера. Впрочем, гангстер в накладе не остался... Это так важно для вас?

– Вы сами начали рассказывать, – пожал плечами Турецкий. – Дети есть?

– Нет, – ответ прозвучал достаточно резко.

– Простите. Вы были близки с Николаем? Я имею в виду... нормальные человеческие отношения. Что он был за человек?

– Ну... – Голицын почесал затылок, сделал продолжительный глоток – настолько продолжительный, что после него осталось только потрясти банку, – как бы выразить в трех словах?... Резкий, но добрый, умный, но наивный, близорукий, но дальнзоркий... Я говорил, что взял его на работу в свои структуры, – кстати, вовсе не за тем, чтобы сделать одолжение братцу. Николай хорошо учился в институте, имеет диплом с отличием, у него феноменальная память, из парня уже формировался неплохой юрист с цепкой хваткой. В принципе, если бы все пошло нормально, через год-другой я переместил бы его поближе к себе...

– Как насчет недостатков?

– Обычные человеческие недостатки, – пожал плечами Голицын. – Временами вспыльчив, недоверчив, хитер. Но пацан без подлости – уж я бы раскусил, будь в нем что неладно...

– Отношения с Ксенией у него были серьезные?

– А почему вы спрашиваете? – удивился Голицын. – Их свадьба, как говорится, была на мази. Никто не возражал, Ольга Андреевна, насколько я знаю, к невестке относится вполне благосклонно...

– У Ксения и Николая были отдельные каюты, – лаконично объяснил Турецкий.

– Ах, вот оно что... Пусть вас это не обманывает. Жест приличия перед матерью и отчимом. Можете не сомневаться, после того как все улеглись, либо Николай пришел к Ксении, либо Ксения пришла к...

Голицын осекся, озадаченно потер лоб донышком пустой банки, уставился с интересом на сыщика.

– Вы хотите сказать, что?..

– Ничего я не хочу сказать, – фыркнул Турецкий. – И подозревать несчастную девушку раньше времени – тоже не хочу. И вам не советую. Уговорили, Игорь Максимович, буду разбираться. Скажите, какие отношения были у вашей супруги с Николаем?

Серая тень пробежала по челу миллионера.

– Ну, что вы, какие отношения... Они от силы несколько раз виделись. Точнее сказать, два раза. Когда Лаврушины в полном составе приезжали к нам в гости в Дагомыс, и в прошлом году – на День весны и труда я устраивал аналогичную прогулку на яхте... Кстати, публика, за малым исключением, была та же самая. Ах, простите, на ваш вопрос я не ответил. Про отношение Ирины... Спокойное, Александр Борисович, отношение. Николай – мальчик, Ирина – взрослая женщина.

– Почему у вас с братом разные фамилии?

– А что в этом странного? – миллионер пожал плечами. – Двадцать лет ношу, не жалуясь. Голицына – девичья фамилия моей матери. Сменил, когда открыл свой первый кооператив по изготовлению садовых леек и тяпок. Хорошо звучит, согласитесь, – тяпки от Голицына? – миллионер тихо засмеялся. – Еще вопросы есть, Александр Борисович? У вас появилось хоть одно твердое мнение?

– Появилось, – согласился Турецкий. – Могу с уверенностью сказать, что человек, затащивший меня на «Антигону», и человек, убивший Николая – совершенно разные люди, но оба они находятся здесь. Вам не кажется происходящее каким-то странным, Игорь Максимович?

– Это не ваша забота, Александр Борисович, – в голосе миллионера заскрипела жесь. Возникла уверенность, что «богатенький буратино» что-то знает. Но природное упрямство

(или другие неведомые науке причины) не позволяет обратиться за помощью к правоохранительным органам. – Расследуйте преступление, уважаемый сыщик. Судя по всему, оно имело место. Осмотрите хорошенько тело, оно продолжает лежать в каюте.

– Вы кого-то подозреваете?

– Нет.

– Понимаю, ведь на яхте только близкие и проверенные люди... Последний вопрос, Игорь Максимович. Вернее, просьба. Я должен позвонить жене. Не делайте протестующих жестов – это естественное желание нормального человека. Потеряв меня из вида, она обратится в милицию. Милиция не разгонится, допускаю. Пресловутые сорок восемь часов еще не истекли. Но она будет действовать через Москву. Не сомневайтесь, Игорь Максимович, после нескольких звонков сочинская милиция построится и дружными колоннами отправится меня искать. Будут работать со всеми бродягами, нештатными сотрудниками и осведомителями. Найдется тот, кто видел меня поздним вечером. Не исключаю, что в разработке появится слово «Антигона». При изящном повороте дела инцидент могут рассмотреть, как насильственное удержание человека. Всячески не хочу угрожать, но... вам оно надо? – Турецкий подумал и добавил: – В добавление к уже имеющимся у вас неприятностям?

Губы Голицына побелели. «А ведь определенно что-то не так, – сообразил Турецкий. – Этот тип чего-то боится. Он считает, что смерть Николая – первая ласточка. Ему плевать на Николая, он боится за себя. И у него есть причины держаться подальше от официальных структур».

– Александр Борисович, не надо на меня давить. В этом море все равно нет никакой связи.

– Перестаньте, Игорь Максимович. Нас же не вчера в капусте нашли.

Он добился, чего хотел. Голицын сделал раздраженное лицо, вышел из каюты. Вернулся через пару минут – Турецкий не успел даже толком задремать. Сунул в руку громоздкий спутниковый телефон.

– Пользуйтесь. Надеюсь, хватит ума не упоминать в разговоре слово «Антигона»? Звоните, Александр Борисович, не смотрите на меня так выразительно – я не выйду.

– Я слушаю, – прозвучал в трубке сухой, но немного дрожащий от волнения голос Ирины. Сердце защемило.

– Это я, Ириша. Со мной все в порядке, не волнуйся.

– С чего ты взял, что я волнуюсь?

– Прекрати, Ириша... Я виновен только в том, что собрался в баре пропустить стопку. В ней что-то было. А я сглупил – выпил и вторую. Этот тип... он сидел через столик. Я посадил его за убийство двенадцать лет назад. Ты считаешь, было бы лучше, если бы он меня убил из позыва благородной мести? Он подговорил бармена. Не подойди я за этой клятой стопкой, нам обоим бы подсунили отраву в еду или в шампанское.

– Бедненький, – посочувствовала Ирина, – ты принял удар на себя?

– Давай без иронии.

– Давай без иронии, – согласилась жена. – Не возражаешь, если мы перейдем к менее существенному вопросу? Сущий пустяк: куда на сей раз тебя занесло коварное либидо?

– В море, Ириша.

– Какая прелесть, – восхитилась она. – А можно спросить, что ты там делаешь? Надеюсь, ты не на плоту? У тебя нет под боком сладострастно дышащей русалки?

– Нет, здесь много мужчин, которых не устраивает, что я собрался три недели прожить без работы. Мне подкинули халтурку, так что сегодня я вряд ли вернусь. Кстати, если не вернусь завтра или послезавтра, то тоже не надо бить тревогу – здесь много работы. Это не шутка, Ириша. Я не вру. В общем, загадочная история... Ты зря меня вчера бросила.

– Между прочим, я вчера вернулась, – возмутилась Ирина, – но ты обрадовался, что я ушла, и уже куда-то слинял. Почему я должна верить, что какие-то злые дядьки взяли тебя в заложники и требуют поработать по специальности?

– Потому что это правда! – закипел Турецкий.

– Ну, все, довольно! – Голицын вырвал у него из рук телефон. – Позвонили? Все в порядке? Жена довольна, отлично проводит время? Поздравляю, наши жены тезки. Сами виноваты, Александр Борисович, нужно быть бдительнее. Даже на отдыхе. Идите, сделайте что-нибудь полезное. Можете заглянуть на кухню, намекнуть Герде, что проголодались...

Он не возражал бы обстоятельно перекусить, но решил это сделать после осмотра трупа. Однако трудно что-то рассмотреть, когда в затылок алчно дышат двое мужчин.

– Господа, – пробормотал Турецкий, – отдаю должное вашей любознательности, но не могли бы вы дать мне спокойно поработать?

– О, простите за чрезмерное любопытство, это, видимо, профессиональное, – добродушно улыбнулся толстяк, творящий под псевдонимом Феликс Печорин. – Вы не волнуйтесь, я не помешаю.

– А уж как я не помешаю! – ехидно добавил Манцевич. Присутствие последнего раздражало больше всего. От этого типа исходила дурная энергетика – раздражение и тоску навевало не только его присутствие, но даже и мысль о нем. – Работайте, Турецкий, работайте. Может, и мы что-нибудь с вами нароботаем.

Можно представить, с каким удовольствием Манцевич приложился бы к его затылку. Он бы тоже в долгу не остался. Обоим приходилось терпеть. Турецкий осмотрелся. Здесь не за что было зацепиться взглядом. Умеренной кубатуры, но комфортная каюта, пол отделан «под мрамор», мягкие ковровые покрытия на полу. Кровать частично заправлена, простыня на месте, а вот вставить подушку в свежую наволочку Николай не успел. Она висела в свернутом виде на спинке стула. Видимо, этим паренек и занимался, когда в каюту проник посторонний. Обходился без слуг. Похвально. В каюте царил удушливый запах. Утром он едва ощущался, а сейчас назойливо проникал в нос, усиливая тошноту.

– Да тут сушая кондитерская фабрика, – Феликс вытащил из кармана скомканный носовой платок, расправил, прижал к носу. – Скажите, детектив, вы видите хоть одну причину, почему мы не должны открыть окно?

Манцевич не дождался ответа, перешагнул через тело, провернул «ушастую» гайку. Иллюминатор, жалобно скрипнув, открылся. Свежий воздух потек в помещение.

Турецкий напрасно терял время. Он был уже здесь, он уже нагибался, он все видел. Больше двенадцати часов прошло с момента смерти. Плоть несчастного Николая начинала разлагаться, выделяя специфический запах. Голубые глаза смотрели в потолок.

– Жуткая картина, – передернул глазами Феликс. – Час назад несчастная Ольга Андреевна снова сюда рвалась. Хотела посидеть с сыном. Альберт ее не пустил. Ей-богу, женщина готова умом тронуться...

В позе мертвого Николая не было ничего интересного для следствия. Ударился затылком, кровоизлияние в мозг, смерть не замедлила нарисоваться. В принципе, это мог быть несчастный случай, но на размышления наводили припухлость у переносицы и рваная царапина, до краев наполненная засохшей кровью. Причуды Голицына не могли не раздражать. Медэксперту не составит труда выделить частицы чужеродного вещества из раны, взять анализы у пассажиров яхты...

Стиснув зубы, он продолжал осмотр. Даже с синяком смерть Николая могла быть трагической случайностью. Он с кем-то разговаривал, градус беседы накалился. Возможно, он сам полез с кулаками, оппонент ударил его по лицу, защищаясь, Николай не устоял. Но если несчастный случай, почему нельзя признаться? Здесь все свои, дело можно вывернуть так,

что ни о каком уголовном преследовании речь не пойдет. Понятно, что виновник «торжества» испугался, но ведь должны у него рано или поздно извилины заработать? Заработают в обозримом будущем? Ну что ж, имеет смысл подождать...

– Что вы делаете, Манцевич?

Подручный Голицына не собирался спрашивать разрешения у Турецкого – он расстегнул рубашку на мертвеце, осмотрел торс. Дополнительных повреждений на теле не было.

– Довольны? – ядовито осведомился Турецкий.

– Идите к черту, – огрызнулся Манцевич. – Вы мне не указ, Турецкий.

– Понимаю. Будем проводить параллельные расследования. И какого же мнения вы о случившемся? Помимо того, что Игорь Максимович поторопился доверить чужаку следственные мероприятия, поскольку подозрения в убийстве с чужака никто не снимал. Во всяком случае, вы не снимали.

– Не снимал, – согласился Манцевич. Он сверлил Турецкого взглядом. – Ваше счастье, что я не могу навязывать Игорю Максимовичу свою волю. Я могу лишь консультировать, давать советы, а уж его дело – прислушиваться к ним или нет.

– Вы просто невзлюбили меня, – отмахнулся Турецкий. – Но, будучи человеком неглупым, понимаете, что к смерти на борту я вряд ли причастен. Вам просто трудно уложить в голову, что два инцидента на яхте, произошедшие примерно в одно и то же время, – смерть и появление незнакомца в полубессознательном состоянии – никоим образом между собой не связаны. Итак, ваше мнение?

– Не думаю, что оно сильно отличается от вашего, – криво усмехнулся Манцевич. – Имеется мертвое тело и несколько ночных часов, о которых мы ничего не знаем. Игорь Максимович с супругой, я, Салим и Герда прибыли на пирс около десяти часов вечера. Машина тут же уехала. Матросы Глотов и Шорохов уже находились на борту, один обслуживал такелаж, другой работал в машинном отделении. Люди из охранной фирмы проверили судно, отчитались передо мной и убыли. Голицын с Ириной Сергеевной отправились отдыхать, Герда занималась продуктами – ей даже некогда было распаковать свои вещи. Трап на причал находился в ведении Салима и матросов. Без нескольких минут одиннадцать на борт взобрался Феликс.

– Святая правда, – подтвердил писатель, – прикатил на такси, прямо из аэропорта. Думал, не успею.

– Несколько минут спустя подъехало семейство Лаврушиных.

– И примкнувшая к ним Ксюша, – добавил Феликс. – Я как раз находился на левом борту, курил, попивая кофе, спустился к ним, чтобы выразить свое почтение.

– Выразили?

– А как же. Любезно раскланялись, даже обнялись. Предвосхищаю ваш следующий вопрос, господин сыщик. Вели они себя вполне естественно, выглядели нормально, волнения и прочих странностей в их поведении я не заметил. Ольга Андреевна – хорошая женщина, хотя, на мой взгляд, ей так не повезло с последним мужем...

– А что случилось с предыдущим?

– Не стоит удивляться, он жив. Бросил семью много лет назад, уехал куда-то на восток, то ли в Корякию, то ли на Сахалин. Ольге гордость не позволяла требовать с него алименты. Хорошо, что встретила Ивана...

– Не пойму я вас, Феликс. То не повезло, то хорошо, что встретила.

– Да скучный он, – простодушно объяснил писатель. – Ни куража, ни шарма. Ничего общего с Игорем, хоть и изготовлены, хм, одним производителем. У Игорька еще в детстве обозначилась деловая хватка, а Иван по жизни был тьюфом. Двадцать лет проработал инженером, по настоянию брата, которому больно было смотреть, как тот влачит существование, занялся мелким бизнесом. Игорь помог на первых этапах, а когда Иван встретил Ольгу, собрался завести семью, даже дом ему построил. Подросшего пасынка на хорошую работу определил...

– Усвоено, – кивнул Турецкий. – Мы, кажется, про кого-то забыли. Ах, да, иностранцы. Держу пари, вы хорошо их знаете.

– А я вообще их не знаю, – хохотнул Феликс. – В прошлом году на майской «марине» таких персоналий не было. Впервые вчера увидел, когда они примчались позже всех. Втроем – они да шофер – никак не могли вытащить из багажника чемодан – здоровенный такой. Всунуть смогли, а вытаскивали так, что хоть на камеру снимай. Игорь с Ириной слышали шум, спустились, Игорь похихикал над ними. Эти чудики – особенно баба – немного экстравагантные, не без этого, но, по-моему, нормальные люди.

– Только не убеждайте меня, что Николь не принимает наркотики, – пробормотал Турецкий.

– А вот это увольте, – писатель протестующее закрылся пухлыми ладошками. – Обвинять, инкриминировать – давайте сами. Впрочем, отдаю должное вашей наблюдательности. Давайте считать, что Николь, долбанувшись по прибытии, отправилась в прогулку по ночному кораблю, вторглась в каюту к незнакомому молодому человеку и лишила его жизни.

– Их нельзя назвать незнакомыми, – усмехнулся Манцевич. – В марте, на дне рождения Игоря Максимовича, Лаврушины и чета Буи сидели за одним столом и тесно общались. Они знакомы. Робер и Николай, выпив виски, обсуждали дела гостиничного бизнеса в Геленджике, в котором крутятся деньги Буи и Голицына, а Николай работает в фирме, занимающейся юридическим обеспечением этой сферы бизнеса.

– А меня не пригласили.

– Вас приглашали, Феликс, – возразил Манцевич, – но вам приспичило на той неделе убраться в Лондон, на встречу с туманами, и вы впоследствии долго извинялись перед Игорем Максимовичем, что не смогли подкорректировать свой график.

– Ну, я же не виноват, что мои произведения хотели издать в «Саймон и Ко», – развел руками Феликс. – Написали приглашение, пришлось бросить все свои дела...

– Раз уж вы здесь, господа, – кашлянул Турецкий, покосившись на тело, про которое, кажется, забыли, – давайте сразу уясним, где вы находились вчера вечером, и не стали ли свидетелем чего-то необычного.

– Вы собираетесь нас допрашивать? – насторожился Манцевич.

– И очень кровожадно, – кивнул Турецкий. – А с жалобой обратитесь к Голицыну, хотя весьма сомневаюсь, что он предоставит вам иммунитет. Думаете, мне доставляет огромное удовольствие вас допрашивать?

– Смешно, – хрюкнул Феликс. – Всю жизнь выдумывал детективные истории, и вот, наконец-то, стал подозреваемым. Замечательно! Эту историю я обязательно где-нибудь отражу – изменю, конечно, имена, кое-какие обстоятельства. Эта идея не кажется такой уж затертой?

– Вот видите, как удачно для вас складывается, Феликс. Не нужно напрягаться, выдумывать сюжет, не спать ночами, ломая голову. Кстати, вы хорошо спали вчера ночью?

– М-м... средненько. Не так хорошо, как хотелось бы, но и не так плохо, как могло бы быть. Ладно, детектив, давайте вспомним. Без четверти двенадцать яхта отдала концы... я имею, в виду, пустилась в свое драматическое плавание. Мы посидели минут пятнадцать в кают-компании... кто же был при этом? Ах, да, Игорь Максимович, Робер с Николь, ваш покорный слуга, заглянули Николай с Ксенией – и быстро убежали. Пришла Ольга Андреевна – у нее, кстати, было прекрасное настроение, поблагодарила за приглашение, извинилась за Ивана Максимовича, который лег спать, потому что у него голова болела... Ничего необычного. Посидели, отправились спать, договорившись встретиться утром на верхней палубе. Я спустился к каютам через подсобки и камбуз, на минутку выглянул на улицу... О! – Феликс поднял указательный палец. – На левом борту я заметил Николая и Ксению, они о чем-то беседовали. Мне показалось, что беседа носит напряженный характер. Слов не слышал, но Ксения энергично что-то выговаривала Николаю. Я человек скромный, в чужие дела не лезу, быстренько

удалился. Когда входил в свою каюту, видел, как с другого конца палубы в коридор вошли Робер и Николь. Николь смеялась, Робер брюзжал. В языке Дюма и Мопассана я, увы, не силен. Видимо, они спустились по наружной лестнице у бака. Охота же им ноги ломать... Вот и все, детектив. Уснул, проснулся, несколько раз вставал хлебнуть водички – из каюты не выходил, – проворочался минут пятнадцать, что довольно неплохой результат в сравнении с еженощной пыткой, отлетел в объятия Морфея, до утра не просыпался. В начале десятого поднялся на камбуз, обсудили с Гердой меню на день грядущий, развалился на палубе, где уже сидел Манцевич. Вскоре потянулись остальные. Предвосхищаю второй вопрос: нет, в их поведении я не заметил ничего странного. Хотя все они на что-то жаловались. Робер сокрушался, как можно делать деньги без рекламы? Голицын пошутил, что без рекламы делать деньги можно, но способен на это только монетный двор. Николь не понравилась погода, а утро действительно выдалось ветреным. Ирине – прогноз на последующие дни: она услышала где-то по радио, что нас ожидают бури, грозы, шторма, цунами и гигантские блуждающие волны. Голицын уверил, что она слушает не то радио. По его агентурным сведениям, все будет нормально. Ксения жаловалась на легкую простуду. Ольга Андреевна – на слезящиеся глаза, из-за чего она даже в отсутствие солнца вынуждена носить черные очки. Лаврушин-старший – на склонность к перепадам внутричерепного давления. Герда принесла напитки, жаловаться перестали, начали хихикать, обсуждать Николая, который спит, как хорек, и может проспять весь круиз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.